КРОКОДИЛ

— Извините, товарищ директор, но это я во время уборки случайно график перевернула.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

К. ОБОЛЕНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ТРИ КИТА И СОБАКА

В квартире пахло сыростью и недоделками. Дом, несмотря на всю свою свежевыстроенность, скрипел и покряхтывал, как памятник архитектуры. Картина была настолько очевидной, что я не стал расспрашивать новоселов, что у них обваливается и где протекает. Тем более, что об этом они уже нам писали. Я задал единственный вопрос:

— Кто строил хоромы?

— «Особстрой-2»,— уныло ответили обитатели дома.

Оставалось выяснить, как. Но и это не представляло особого секрета.

Итак, договора подписаны. Заказов набрано — по самую завязку. Особстроевцы подходят под благословение управляющего трестом В. Г. Ткачева и приступают к созидательному труду.

Проходит месяц. Два. Пять. Преждевременно поседевший заказчик ходит по пятам за прорабом и с рыданием в голосе напоминает:

— Срок сдачи подходит, а вы все еще на нулевке топчетесь...

— Чем выражать претензии, вы бы лучше материальчиков подбросили. Да людей.

— Каких людей?

— Обыкновенных. В сапогах и рукавицах. Им жить — им и строить. Агитируйте.

В результате агитации на стройке появляются невесть откуда и материалы и новые кадры. Начинается аврал.

— Взяли! Подняли! Потащили! Ура!.. Соединяй! Нечем? Прикрути проволокой. Соединим потом.

— Товарищ прораб, фрамуга не подходит.

— Ну и кадры! Подтеши топором да вколоти наглухо... Барышни, что стоите? А ну рысью полы мыть!

— Тряпок нет, товарищ прораб.

— Ах, чтоб вас разорвало! Где маляр? Колька, мажь по немытому.

— Иван Петрович, комиссия приехала принимать.

— Эх, самую малость не успели! Ну, да както-нибудь! Куда им деваться? Подпишут...

И действительно, акт, хотя и после некоторых препирательств, подписан. Дом сдан, дом принят. К акту пришпилена опись недоделок «длиной в год».

Но с недоделками возиться уже некому. Строители единодушно перекочевали на другой объект.

Может быть, и не совсем так было дело на объектах «Особстроя-2». Но только почему в Люберцах два дома по Юбилейной улице (№№ 11 и 9), сданные под Новый год, заселились только в июне? Почему дома №№ 10, 12 и 14 по той же улице стояли пустыми почти пять месяцев? Это пять из пяти домов, построенных «Особстроем-2» для горжилуправления в прошлом году! Помимо морального фактора (представляете, что пережили счастливые обладатели ордеров за эти пять месяцев!), имеется тут и фактор экономический. Пустующие квартиры — это десятки тысяч потерянных рублей. Кроме того, премии тресту за тот же год составили 325 тысяч рублей.

— Этот трест у нас в передовиках ходит,— подтвердил зам. председателя Люберецкого горисполкома тов. Саулин.— Недоделки? Ну, у кого их не бывает! Но трест ведь не только жилье строит...

Да, трест, оказывается, стоит на трех китах: жилье, промышленные объекты и сельское строительство.

Может быть, с другими китами дело обстоит не так плохо?

— Если бы плохо — было бы хорошо,— сказал мне заместитель директора ВНИИБТа (Институт буровой техники) Г. Е. Прокопович.— Плохо — это не то слово. Отвратительно! Безобразно строят! Поедемте, посмотрите сами.

На стройке лениво копошилось всего три человека. Возле корпуса-скелета под открытым небом громоздились ящики с импортным оборудованием.

— Уж чем только мы «Особстрою» не помогали,— сокрушается зам. директора экспериментального завода ВНИИБТа А. И. Толмаков,— а он из года в год срывает план. А качество? Вы посмотрите только, чего тут понагородили эти бракоделы!..

Но, может быть, славный коллектив всю страсть созидания отдал третьему киту — сельскому строительству?

И вот мы с представителем народного контроля стоим у незаконченного коровника.

— Поглядите! — возмущается А. В. Трубач, работник госплемзавода «Петровское».— Пол сделали без уклона, коровы, значит, в сырости стоять будут. Навозный желоб кривой. Халтура!

Итак, мы полюбовались на трех китов «Особстроя-2». И видели, какое отношение к этим китам. Осталось выяснить, почему все это происходит. Где зарыта собака?

В 1968 году Контрольно-ревизионное управление проверило деятельность треста. Вскрытых безобразий хватило бы на целый роман. Оказалось, что третья часть домов, «сданных» еще в 1967 году, к моменту ревизии так и не заселилась. И тем не менее:

«...За выполнение квартальных планов ввода в действие жилой площади работниками треста и СМУ в 1967 году получено премии 120,7 тысячи рублей...» — констатировали ревизоры.

Главмособлстрой «отреагировал». Ткачев получил... строгий выговор. Кстати, в приказе главка было все, кроме пункта о качестве работ и недоделках.

Вот тогда Ткачев понял, что по этому вопросу «критики сверху» ему опасаться нечего. А снизу? Критика снизу пресекалась на корню. «Критиканов» управляющий трестом умел поставить на свое место. Если этого не получалось, они со своих мест просто слетали. Благо, причину всегда можно подобрать. Вплоть до сокращения штата.

И все же место, где была зарыта главная собака, показал нам сам Ткачев.

...В двухэтажном домике треста шел ремонт. Пахло клеевой краской и застоявшимся фимиамом. Интервью с Владимиром Георгиевичем началось перечислением полученных знамен и наград. Он упивался славой треста:

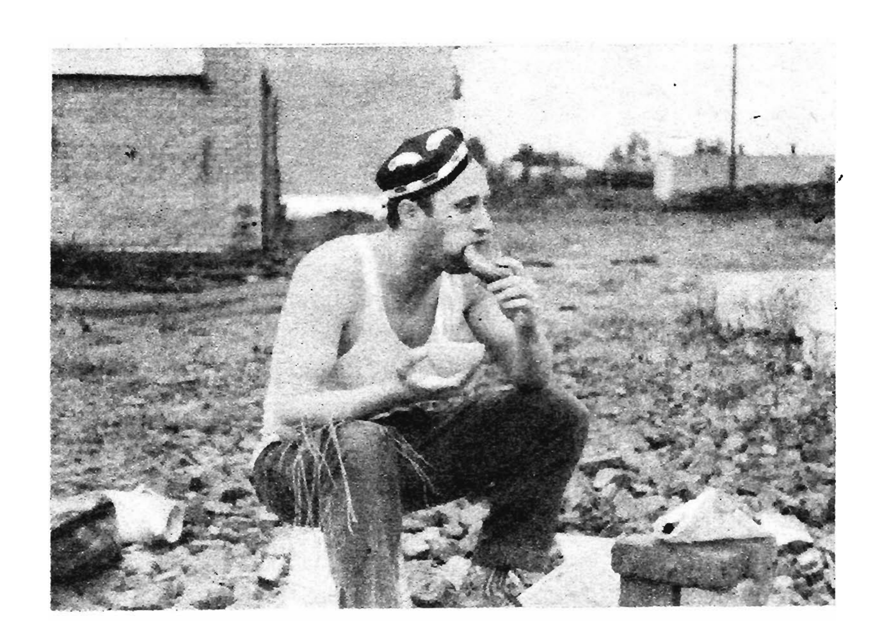
— Какие корпуса мы в Ташкенте понастроили! Четырнадцать человек награждено. На Воскресенском комбинате цех отгрохали — красавец! Оценка — «отлично». Работали самозабвенно. Там ведь каждый день бывали...— И Ткачев благоговейно, по имени-отчеству перечисляет наезжавших в Воскресенск начальников.

Стоп! Вот тут она зарыта, эта самая собака.

Одно дело — коровник, где и сам Ткачев не бывает, а другое — объект, за которым наблюдает вся страна и высокое начальство, в частности. На всесоюзной стройке не схалтуришь. А на корпусе завода ВНИИБТа потерпят, не велики дворяне. Жилые дома в Люберцах — пустяки. Другое дело — собственные квартиры Ткачева, бывшего главинжа Дунаева и его преемника Ерохина. Где и как надо особо стараться, в «Особстрое» знают прекрасно.

— План генподряда трест выполнил на 104,6 процента,— подбивает бабки Ткачев.— Что? Недоделки и переделки? Ну, это не наша забота. Мы дома госкомиссиям сдали, пусть теперь у них голова болит...

Люберцы — Лыткарино — Тураево.

А пили ли вы чай с самаркандскими лепешками? Именно за этим занятием и сфотографирован корреспондент журнала «Крокодил» Руслан КИРЕЕВ. Но, как вы понимаете, вовсе не чаепитие было целью его командировки в Среднюю Азию. Чаепитие состоялось в паузах...

О ТОМ ЖЕ, ЧТО БЫЛО МЕЖДУ ПАУЗАМИ, О ЯВЛЕНИИ РЕДЧАЙШЕМ И ЭКЗОТИЧЕСКОМ, ДАЖЕ ДЛЯ ЭКЗОТИЧЕСКИХ МЕСТ, ПОВЕСТВУЕТСЯ НА 6—7 СТРАНИЦАХ.

Андрей ДОСТАЛЬ

КАК ЛОВИТЬ РЫБУ

Если говорят, что рыбалка — лучший отдых в выходной день, то что же сказать об отпускнике, который посвящает ужению весь отпуск?

Однако в данном случае проблема разделяется на: 1. Как ловить рыбу в реке, озере, пруду, то есть пресноводную; 2. Как ловить рыбу в море.

Пресноводную рыбу ловить легко. Берется длинная-длинная нитка (в дальнейшем именуемая леской), на конце ее привязывается крючок, но не один, а минимум два, а то и три. Почему? Допустим идеальный случай: рыбы так много, что, вытаскивая одну за другой, рыбак не успевает закурить (если курит) или чихнуть (если некурящий). И на каждом крючке сидит и ждет рыба!

Таким образом, вместо того, чтобы дернуть три раза, он дергает всего один раз. Экономия и во времени и в силе.

Возьмем второй случай, когда рыб не так уж много. Допустим, одна еще кое-как клюнула, а вторая демонстративно повернулась хвостом к крючку и отвернулась. А ты — дерг! — и опять две. Одна сама клюнула, а вторую ты прихватил за зазевавшийся хвост!

Наконец, случай третий, когда рыбы вообще нет. Но даже и в этом (конечно, редчайшем) случае все-таки можно, дернув спросонок за удочку, растопыренными крючками подхватить что-нибудь. Правда, чаще всего это бывает небольшая коряга, но это уже мелочи. Как видите, ловить пресноводных рыб очень легко.

Другое дело — морская рыба.

Ведь море больше такой, например, реки, как Клязьма, или даже озера Сенеж, и, следовательно, рыбины в нем и длиннее, и жирнее, и куда толще! Но без полезных советов не обойтись и здесь.

Для начала в море лучше всего ловить бычков. И причем не простых, а подкаменных.

Подкаменный бычок хорош тем, что он даже и не хочет, а ловится. Делается это так: надо лечь на мостик и долго смотреть в воду. Прозрачная морская вода открывает все тайны морского дна.

Посмотрев внимательно, всегда можно заметить, как подкаменный бычок высунулся из-под камня и смотрит. Тут уж не зевай! Крючок с чем-нибудь вкусным надо опускать у бычка под самым носом. Даже если бычок совершенно сыт и высунулся из-под камня из простого любопытства, он все равно не выдержит.

Видя мелькающее перед собой нечто, он кинется. Рывок — и четверть ужина уже обеспечена!

Для более опытных и серьезных рыболовов нужна и более солидная рыба.

Самое главное в серьезной рыбной ловле — это наживка, то есть кардинальный вопрос: на что ловить?

А ловить надо именно на то, что рыба больше всего любит в данном месте.

Об этом, конечно, можно спросить у местных любителей рыбной ловли. Но лучше всего обратиться непосредственно к самой рыбе.

Поскольку, согласно современным научным данным, рыбы очень разговорчивы и пословица «нем, как рыба» давно уже не соответствует действительности, сделать это проще простого.

Для этого надо сесть на берегу в подходящем месте и задать этот несложный вопрос первой же проплывающей мимо рыбе. Ответ последует сейчас же.

Беда лишь в том, что рыба будет отвечать в ультракоротком диапазоне. А так как шум волн и визги купающихся могут исказить эти ультразвуки, то рыбий ответ может получиться не совсем ясным. И даже, более того, может быть неправильно вами воспринят. А это, в свою очередь, может привести к непоправимому.

Увидя на крючке неподходящую насадку и помня свой честный рыбий ответ, рыба сочтет это насмешкой и даже, более того, явным издевательством.

Поэтому, чтобы не произошло такой горькой ошибки, к рыбьим ответам следует относиться с особым вниманием.

Небольшая любительская лаборатория на берегу сразу меняет дело. Доставка ее не составит больших трудностей, одного-двух вагонов будет вполне достаточно. Зато уж никаких ошибок.

Рыбьи ответы записываются глубоководным эхолотом, все фиксируется на магнитофонную пленку. Затем мгновение — и расшифровка. Желанный ответ получен!

Сразу забрасываются две закидушки. На берегу растет гора рыбы.

Потрясенные отдыхающие, скромные ловцы крабов, величиной в пятак, забыв преферанс и все местечки с сухими и мокрыми напитками, бегут к морю.

Благоговейно застыв поодаль, они следят за счастливцем. А в двух ближайших ресторанах уже разогреваются жаровни и противни для жаренья рыбы. Такой улов не может ждать!

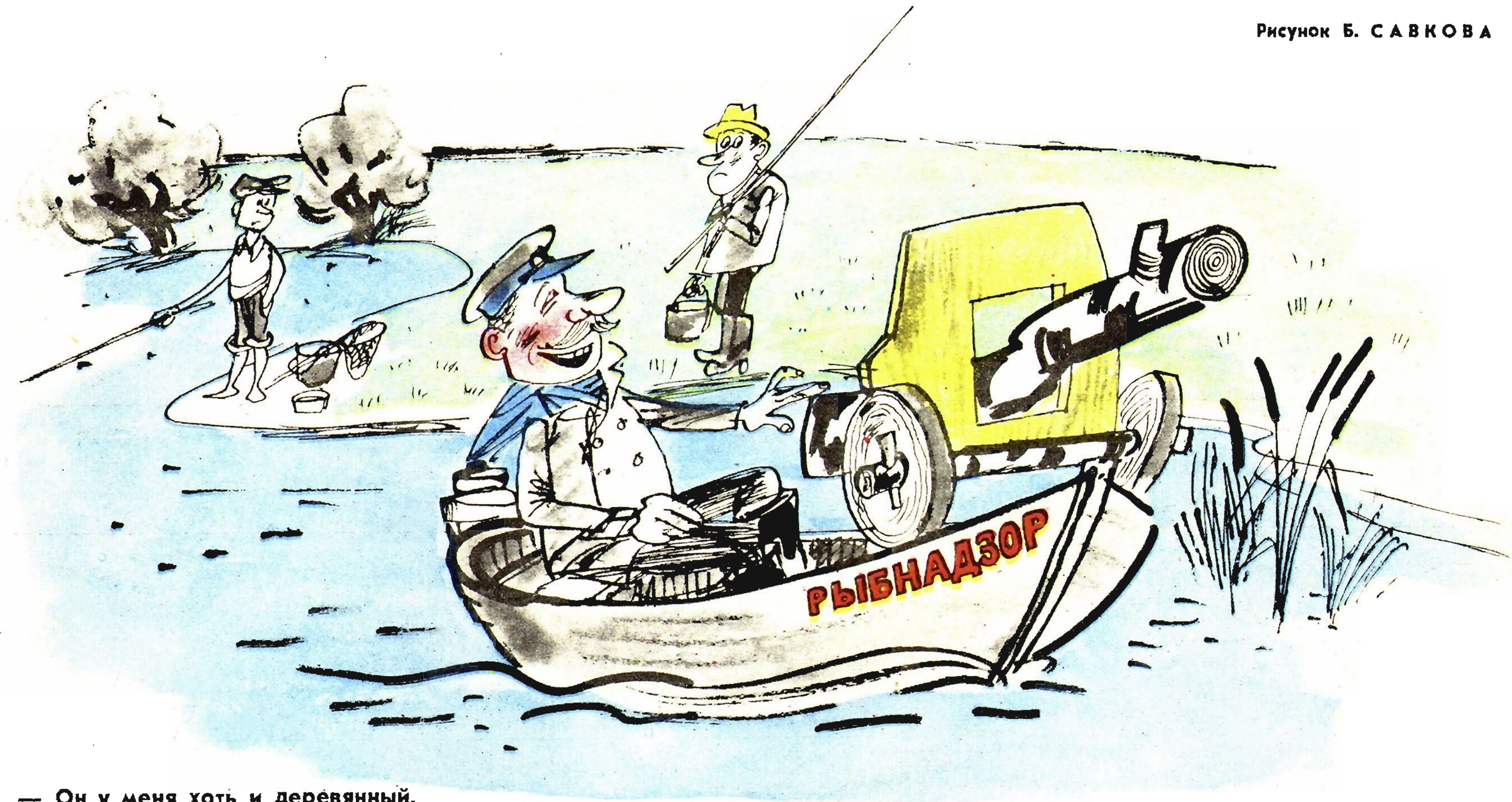
Назавтра можно и передохнуть. И, чего доброго, самому зарядить пульку. Но лучше всего, конечно, окунуться в синие волны и как следует поплавать.

Ибо, как говорили классики, море, оно зовет!

— Командированные, вам переводы!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Рисунок Б. САВКОВА

— Он у меня хоть и деревянный, но браконьеры побаиваются...

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Пограничный частокол

Было рядовое утро. На нейтральной полосе резвились кузнечики, а границу деловито нарушали шмели. Отмахиваясь от назойливых нарушителей, Е. С. Донских поднялась на наблюдательный пункт — поросшую крапивой кочку, сложила ладони биноклем и посмотрела вдаль.

— Ты нарушила границу! — неожиданно подлетела к ней дозорная с соседнего участка А. И. Филатова.— Эта кочка — исконно моя земля!

— И крапива твоя? — сорвала пушистую веточку Елена Семеновна.— Молоденькая крапива, пальчики оближешь... Вот попробуй!

— Я в долгу не останусь! — лизнула покрасневшие пальцы Анна Ивановна.— Репейничком тебя угощу. Он тоже свеженький...

— Ну, спасибо! — схватилась за плечо Елена Семеновна.— Только кочка все равно моя!

В разгар потасовки на косогоре появился отряд вооруженных кольями людей.

Это была огородная комиссия.

Мужчина провел каблуком борозду, и комиссия принялась вбивать пограничный частокол.

— Ах, и кочку — Филатовой?! — скандально побледнела Елена Семеновна.— Не уступлю!

Она вырвала кол и кинулась на пришельцев. Люди в панике отшатнулись.

— Помогите! — заголосила Анна Ивановна.— Милиция!

— Звали?..— Словно из-под земли вырос участковый.— Донских, положите кол, а то надоретесь. Даю десять секунд на размышления.

— ...! — не задумываясь ни секунды, выпалила Елена Семеновна.

— За такие слова,— покраснел милиционер,— десять суток...

Филатова отметила победу трудовыми успехами на огороде. Она взрыхлила кочку и посадила капусту.

— Хорошая капустка,— похвалила Елена Семеновна.— Не зря ты без меня старалась. Посолю ее осенью.

Анна Ивановна потянулась было за репейником, но вздрогнула. На косогоре раскатисто чихнул «газик». По вызову Донских прикатила районная комиссия во главе с землеустроителем К. С. Шлыковым.

— Это они при вас такие смирные,— суетилась около землеустроителя Елена Семеновна.— Посмотрели бы на этих злодеев, когда они колья вбивали... А еще огородная комиссия!

— А мы колья выдернем,— рассудил К. С. Шлыков.— И все дела.

Кочка перешла во владения Донских.

— И капусту ей?! — прикинула стоимость урожая Филатова.— Ну, держитесь у меня!

Возле кочки снова закипели страсти.

— Мы предлагали вернуть кочку Анне Ивановне,— единодушно бубнила огородная комиссия.— На том и стоим.

— Хотите похерить мое решение? — спросил районный землеустроитель.

— А может, посеять на кочке колхозную вику? — горячился молодой председатель колхоза В. М. Трушин.

— Вы что, хотите снять новый урожай жалоб? — схватился за голову представитель из области.— Нам их и так девать некуда. Завал!

— Какой завал? — спросили неопытные члены двадцать пятой комиссии.

— Да вот кочку поделить не можем,— смутились представители колхоза, района и области.— То есть не мы, а в общем-то мы...

И, окончательно запутавшись, развели руками.

с. Калаис, Кирсановского района, Тамбовской области.

Васил ЦОНЕВ

ЕДИНИЦА

УЧИТЕЛЬ (потирая руки). Сегодня, дети, у нас будет очень интересный урок. Материал, по всей вероятности, покажется вам несколько сложным, но мне хочется верить, что в результате систематических упражнений вы сумеете преодолеть первоначальные затруднения. Итак... (Вынимает картонную карточку, на которой нарисована единица.) Это, дети, число, которое вы еще не знаете...

ДЕТИ (хором). Это единица.

УЧИТЕЛЬ (явно удивлен). Гм... Интересно... Но, видите ли, дети, тот факт, что вы угадали вышеуказанное число — а это именно и есть единица,— случайность. А я хочу, чтобы вы приобрели систематические, целенаправленные знания, плод не случайных наблюдений, а упорной, ежедневной работы.

Итак, как вы сами сказали, это единица. Но что такое единица? В вашем примитивном представлении она отвечает понятию «одно яблоко», или «одна груша», или «одна слива». Налицо так называемый примитивизм, если хотите, вульгарная наглядность в науке, с которой мы должны порвать раз и навсегда. Потому что эта маленькая скромная единица, которая для вас исчезает со съеденным вышеупомянутым яблоком, грушей или сливой, в науке не может исчезнуть, ибо здесь она выполняет целый ряд функций, без которых немыслима любая математическая мысль.

Возьмем число: один миллиард пятьсот шестьдесят три миллиона триста двадцать пять тысяч девятьсот шестьдесят один. Это довольно солидное, я даже бы сказал, колоссальное число. Но если возвести его в степень минус единица, то это гигантское число вдруг превратится в бесконечно малое — почти в ничто.

Какое перевоплощение, какая гигантская метаморфоза! Такова роль этой единицы! Вы видели, какая страшная потенциальная энергия скрыта в ней! Это как распад атома. Это так же невероятно, как если бы людям в свое время сказали, что энергия, заключенная в обыкновенном пятачке, может привести в движение локомотив, который объедет земной шар по экватору несколько раз. Вот каково это число, о котором мы говорили и которое вы видели на этой карточке. И я абсолютно убежден в том, что, если я сейчас покажу вам карточку с этим числом, вы не будете представлять какое-то там яблоко, или соответственно грушу, или сливу, а представите те огромные потенциальные возможности, которые кроются в этом числе, с помощью которого возможны такие фантастические трансформации. Итак, дети, перед вами карточка с этим числом. Скажите мне, что это за число?

ДЕТИ (хором). Один миллиард пятьсот шестьдесят три миллиона триста двадцать пять тысяч девятьсот шестьдесят один!

Учитель падает в обморок.

Сокращенный перевод с болгарского.

Д. ЕПИФАНОВ

...И я за себя спокоен

Он говорит: чего вам надо?

Каждому человеку завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно. Другому — другое. Третьему — третье. Четвертому—одно, другое и третье. Между прочим, сами же пишут в газетах: советскому человеку для счастья надо много. Мне, к примеру, пятикомнатную квартиру, чтобы на втором этаже, балконом на юг, а спальней на север, путевку в Сочи, материальную помощь и зятю участок для дачи рядом с моей.

— Вы,— говорю,— маленький механизм, и от вас мне надо одно — пропустить на прием к управляющему.

— Я должен знать, по какому вопросу и чего вам надо.

А сам отворачивает глаза.

— Про то, чего надо,— отвечаю,— я скажу управляющему.

— В таком случае извините,— говорит,— управляющий занят и принять вас не сможет.

— Ничего, я подожду...

Тогда этот самый помощник, так, со значением, отвечает:

— Он вообще будет все эти дни занят и принять вас, пока будет занят, не сможет.

— Это,— спрашиваю,— как понимать? Начинаем помаленьку забюрокрачиваться? Помаленьку от народа уходить за клеенчатые двери?

Спрашиваю тоже со значением. И, не сводя с него глаз, начинаю медленно опускать руку во внутренний карман.

Он у меня всегда при себе, во внутреннем кармане. Я без него никуда не выхожу, потому что великая сила в нем. Куда бы я ни шел, я обязательно засовываю его во внутренний карман, и тогда я за себя спокоен.

Помощник бросает на меня быстрый взгляд, чуть бледнеет и говорит:

— Какой вы, право... Подождите минуточку, доложу.

Управляющий хмурый и на меня не смотрит. Глядит в бумаги. Даже не предлагает сесть.

Присаживаюсь сам.

— Слушаю вас,— говорит.

Я ему говорю: каждому человеку завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно, другому — другое, третьему — третье. Четвертому — одно, другое и третье. Сами же, дескать, в газетах пишете... И выражаю свою просьбу.

— Не могу,— говорит.

Потом поднимает на меня голову и еще раз для твердости говорит:

— Вот так, не могу! Квартиру вы только что получили, какую просили,— трехкомнатную. Вам на двоих более чем достаточную. На курорт только что ездили, и двух месяцев нет, как вернулись. Помощь вам уже оказывали, хотя вы в ней и не нуждаетесь. Зятю участок выделили, хотя это и противозаконно...

Я разъясняю, что выделили старшему, а теперь надо тому, за кем меньшая дочка...

— Все! Хватит. До свидания.

— Нет, не хватит,— говорю,— Вы, дорогой товарищ начальник, не имеете никакого полного права выгонять из своего кабинета служащего человека...

И медленно начинаю засовывать руку во внутренний карман.

Управляющий делает вид, что углубляется в важные бумаги. То есть разговор со мной считает законченным и мою руку не замечает.

Тогда я медленно вытаскиваю его из внутреннего кармана и кладу на стол.

Чуть пониже фабричного слова «Блокнот» выведены, чтобы бросались в глаза, синими чернилами еще слова: «Для заметок в газету».

Тихонько, опять же со значением, постукиваю ногтем по этим словам.

Управляющий на меня не смотрит, но я вижу, как его лицо начинает покрываться бурыми пятнами.

Значит, реагирует.

Он прекрасно знаком с этим блокнотом, наш управляющий. Полгода назад, после того как у него в кабинете побывала пятая комиссия, его, говорят, чуть не хватил кондрашка— такой инфаркт захлестнул начальника.

— Вон,— говорит он шепотом, но с большой злостью, почти что с бешенством.— Вон, вымогатель и шантажист! Прошло твое время, клеветник и пасквилянт!

И добавляет, что меня, дескать, достаточно все узнали...

— Вы,— отвечаю,—не очень. Держите,— говорю,— ноги в тепле, а голову в прохладе, это помогает от нервных болезней. А за оскорбление ответите по всей строгости.

Делаю, конечно, беглые заметки в блокноте и иду к двери.

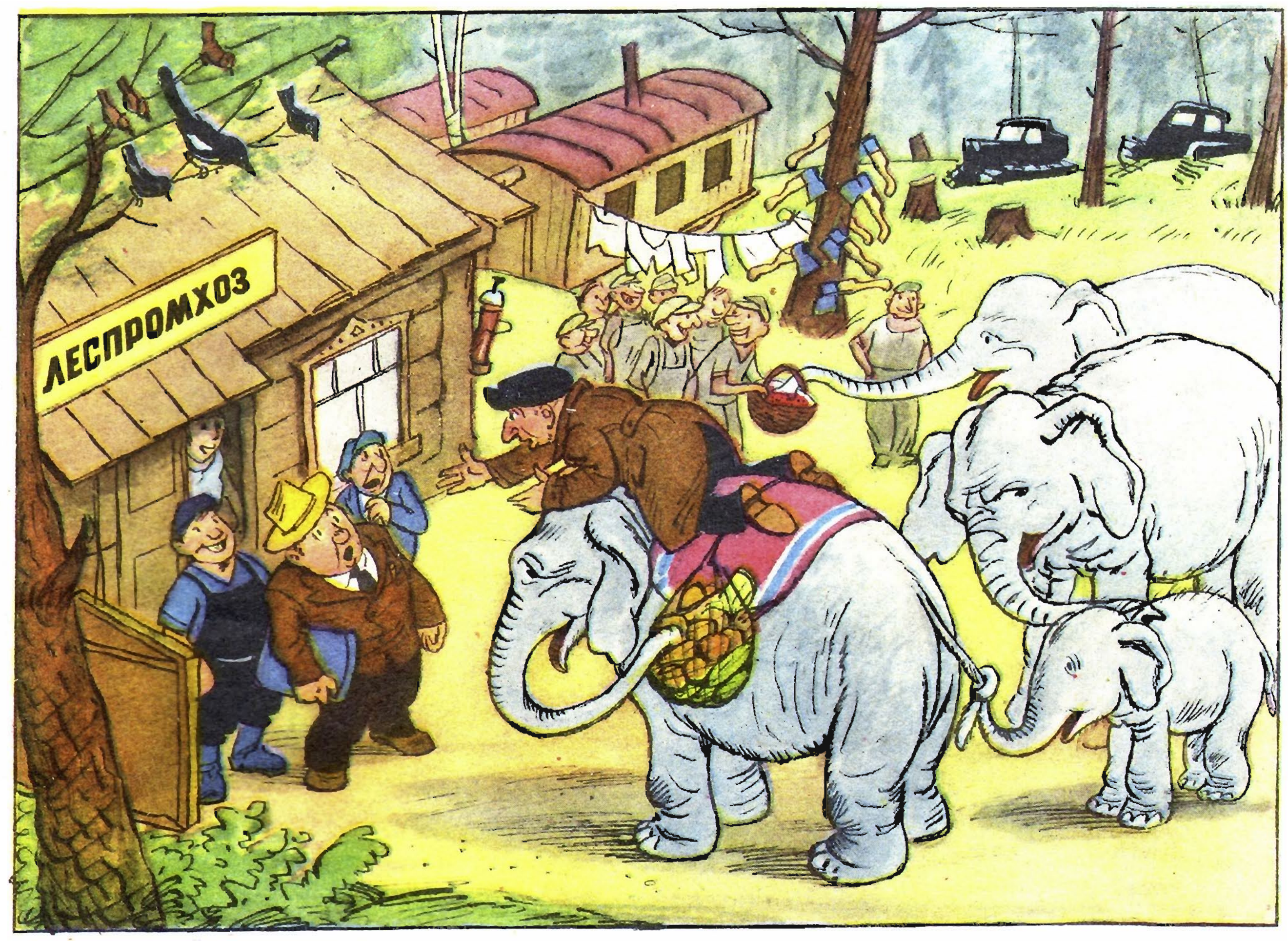
Но не успел я пройти приемную, как слышу, сзади окликает. Оборачиваюсь — стоит на пороге своего кабинета, держится рукой за сердце.

— Вернитесь,— говорит.

Вертаюсь. Хмурится.

— Пишите,— говорит,— заявление.

Пишу, конечно, потому что каждому человеку завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно, другому — другое... И в газетах сами же пишут...

— Товарищ начальник, запчастей я нигде раздобыть не смог. Может, слонов на раскорчевке используем?

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Б. РОЩИН

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

— В квартире семь,
как нам известно,
Частенько пьяницы шумят.
Пора поставить их на место!
— Уже пытались... Не стоят.

ВЕСКИЙ ДОВОД

— Ваш сторож занялся
вредительством:
Он курит там,
где бензосклад.
— Не бойтесь:
он по совместительству
У нас пожарник и медбрат.

К. КОСТОВ

ДО И ПОСЛЕ...

Когда мы любим,
нам хватает взгляда,
И, чтобы объясниться,
слов не надо.
Но сделавшись супругами,
мы снова
Используем вовсю
свободу слова.

Перевел с болгарского
Н. КНЯЗЕВ.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

БИЧ СРЕДИ БИЧЕЙ

На моих часах, привычно показывающих московское время, было полтретьего ночи, а в распахнутое гостиничное окно уже ломилось восточное утро. Дворники шаркали по тротуару метлами из тутового дерева, лахло самаркандскими лепешками, слава которых, как с гордостью объяснили мне, перешагнула государственную границу.

Машинально включил я бритву, но спохватился и отложил ее в сторону, классифицировав бритье как тактическую ошибку. На стуле висела рабочая рубашка знакомого журналиста. Коллега, несколько шокированный моей просьбой, предлагал на выбор любой предмет своего гардероба, но я настаивал на одеянии старом и заштопанном.

Облачившись, я критически оглядел себя в зеркало. Выдавали брюки, которые хоть и предназначались для внутригостиничного передвижения, но имели вид вполне интеллигентный. На улице я взял горсть земли с газона и принялся натирать ею штанины. Сзади раздался звук, словно что-то шлепнулось. Я обернулся. Старик дворник в тюбетейке, уронив метлу, странно смотрел на меня. Я вытер ладони о рубашку журналиста и браво зашагал в сторону Регистана.

По пустынной улице, еще не расплавленной среднеазиатской жарой, бежали две юные узбечки с миллионом косичек за спиной. Обгоняя экзотичного ослика, цивилизованно прошелестел по шоссе пустой троллейбус.

У стен Регистана, древних и прославленных, клокотала толпа — разноязыкая, как восточный базар. Выкрикивались цены, кто-то гортанно отстаивал полтинник, но сколько бы ни осматривались вы, не увидеть вам ни россыпи черешни, ни пупырчатых подростковых огурцов в капельках утренней росы. И все же это был рынок — с покупателями и продавцами, спросом и предложением. Рынок не универсальный, где продают все — от урюковых косточек до холодильника «Оазис-2»,— а специализированный, с сурово ограниченным товаром: рабочей силой. Бичи — граждане без определенных занятий и с внешним видом, который я добросовестно имитировал, предлагают свой труд всем желающим. Глубже нахлобучил я фуражку, маскируя катастрофически лысеющий лоб — это косвенное свидетельство институтского интеллекта...

В середине мая, нужно вам сказать, в «Крокодил» пришло письмо от самаркандского гражданина Аргатюка. Самаркандский гражданин Аргатюк просил редакцию изъять у частного лица Рубена Агабабяна триста один килограмм картошки в его, Аргатюка, пользу. Частное лицо Рубен Агабабян — он же директор межколхозной откормочной базы — соблазнил гражданина Аргатюка уволиться с производства и наняться на работу к нему, Рубену Агабабяну. В течение полугода седовласый и грузный гражданин Аргатюк был мальчиком в доме частного лица Рубена: шпаклевал стены, чинил курятник, бегал в магазин за товаром, возил песок в грузовике межколхозной откормочной базы и посыпал этим песком дорожки в саду Агабабяна. Еженедельно работник Аргатюк брал авансы у хозяина и записывал их на коробочке из-под гвоздей. Потом коробочку похитила птица, и между сторонами произошел конфликт. Хозяин Агабабян утверждал, что он выплатил все сполна да еще с походом в виде бараньей ноги и нескольких обедов за хозяйским столом. Работник Аргатюк обеды игнорировал, поскольку за столом развлекал хозяев забавными историями, а это в его обязанности не входило, и требовал додать недоданный картофель в размере трехсот одного килограмма.

— Я не шаромыжник, а член профсоюза,— жаловался мне Аргатюк и предъявлял билет с марками.— Ведь он не на бирже подобрал меня, а на производстве, с автобазы номер девяносто один сманил.

Так впервые услышал я о существовании «БЧТ» — биржи частного труда. Поразмыслив, я посоветовал сторонам решить вопрос о картофеле в рабочем порядке, а сам отправился за разъяснениями к начальнику самаркандской милиции Ишанкулову.

Разъясняя, начальник милиции патетически встал.

— Какая биржа, дорогой товарищ? Соберется семь человек, мы их — тык-тык — и разгоняем. Иначе — эксплуатация человека человеком. Иначе — тунеядство и бродяжничество. Извините, но милиция не вправе допустить этого. Тык-тык — и разгоняем! Бесповоротно!

На другое утро я еще не превратился в бича. К Регистану я подходил в обычном своем костюме, в очках и без маскировочной кепки. Солнце еще не осилило горизонт, но уже освещало верхушки многометровых минаретов. Внизу густо перемещались люди. Мне преградил дорогу человек с асимметричным лицом.

— Сколько? — процедил он, и лицо его сделалось еще асимметричнее.

— Что? — тупо молвил я.

— Сколько, говорю? — переспросил человек, наступая.

— Я ничего,— пробормотал я, отступая.— Я так...

— Я спрашиваю, сколько в день платишь? Какая работа у тебя?

— У меня никакой работы. Я так просто... Глазурью полюбоваться.— И я кивнул на сверкающие солнцем минареты.— Уникальная, знаете, глазурь...

— Дурак,— сказал человек, теряя интерес ко мне.

После ко мне еще подходили граждане, предлагали сломать дувал или возвести дувал, вскопать грядку, создать арык на пространстве, ровном, как бывшая Голодная степь. Было бы очернительством утверждать, что все они грубили, как первый мой собеседник. Ах, какие аристократы встречаются среди бичей — люди гордые и неспешные, которые в жизнь не снизойдут до того, чтобы набиваться хозяину! Они сидят чуть поодаль на камнях, от которых веет эпохой Тимура, жуют табак и говорят о проблемах. О пересадке органов, путешествии папирусной лодки «Ра-2» и о том, что в других южных городах биржи роскошнее. Это мастера, они не станут вам окучивать картошку и месить глину. Это мастера, ибо они опытны настилать пол, проводить паровое отопление, превращать шиферные плиты в крышу.

Полгода назад забота омрачила тонкие лица аристократов. Разговор не плавал, как обычно, от одной проблемы к другой, а концентрировался на вопросе Каяна. В опасного конкурента грозил вырасти директор Каян: под его единоначалием возникла в Самарканде контора, призванная строить и ремонтировать частные дома.

Ныне забота оставила лица аристократов, и разговор вновь заплавал между общечеловеческими проблемами. Директор Каян оказался хилым конкурентом. Новорождать дома ему вовсе не под силу, но если клиент доставляет заявку на ремонт крыши, то ему отвечают «пожалуйста». После этого клиент регулярно напоминает о себе раз в месяц...

Но аристократ — это еще не король биржи. Король биржи — бич с осликом. Работодатели стаей налетают на такого бича и сражаются за него аукционно. В хорошие дни цена на бича с осликом подскакивает до двух червонцев, в то время как бич обыкновенный, каковым проходил по бирже ваш корреспондент, выше семи рублей не котируется.

К шести утра биржа расцвела, как Самарканд при правителе Улугбеке. Работодатель пошел крупный. Он подруливал на автомобиле и занаряжал бича, не вылезая из кабины. Я украдкой записал номер «Запорожца» «СНВ 47-13», что увез трех богатырей среднего роста. Брезентовый «газик» «СНВ 71-93» ограничился двумя бичами. Фиксируя номер другого «газика», «СНА 00-72», я заметил, что на меня косятся, и спрятал блокнот, убоявшись за судьбу своих очков. (Потом уже я выяснил, что один «газик» принадлежит облсовпрофу, другой — комплексной станции измерительных приборов, а «Запорожец» — частному лицу с улицы Ф. Хаджаева.)

И вот настал день, когда я нырнул в заимствованную рубашку. Теперь уже никто не предлагался мне в работники, теперь уже я шире распрямил плечи, набивая себе цену.

Рядом два бича торговались с хозяином из-за харчей.

— На обед,— ставили они ультиматум,— первое, второе плюс компот.

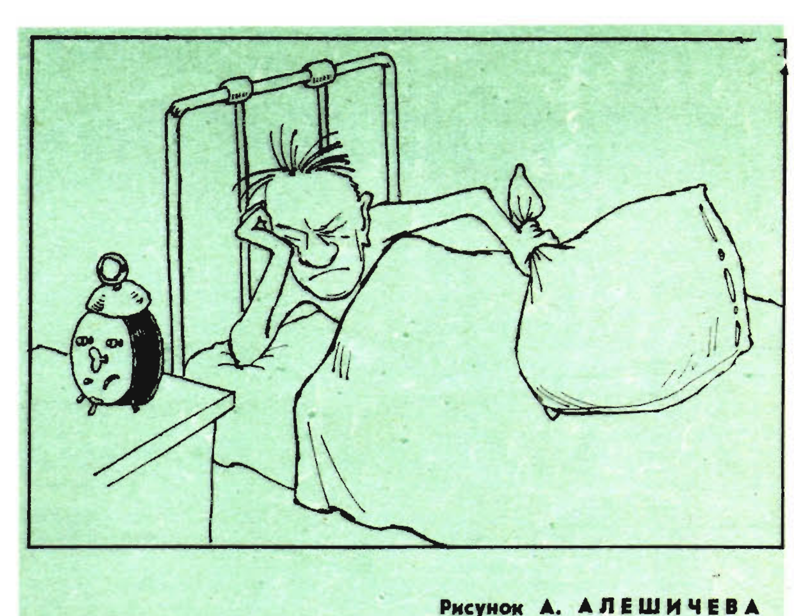
Хозяин компот урезывал.

— Чай,— говорил он.— С парвардой.

— Компот! Из урюка.

Со стороны архитектурного памятника Шир-Дор к бирже приближался толстяк в галстуке. Я ринулся навстречу ему.

— Сколько? — процедил я и сплюнул сквозь зубы.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Толстяк поглядел на меня, как на табуретку, и направился к аристократам.

— Мальчик! — услышал я ласковое и обернулся. Старик в халате и с бородкой манил меня пальцем.— Мальчик!

Я подошел, угомонив по пути разные чувства. Рядом со стариком высился верзила, глядел в пространство небесными глазами.

— Пять рублей, хорошая работа,— сказал старик, и золотые зубы его блеснули, как минарет.— Один есть, еще два нужен.

— Чего делать?

— Очень хорошая работа. Землю таскать, лук копать. Арык есть, жары нету.

Я изобразил на небритом лице раздумье.

— Компот из урюка будет?

Но старик уже манил пальцем мужчину лет пятидесяти.

— Мальчик! — звал он его.— Мальчик!

— Не ходи,— шепнул мне парень в женской соломенной шляпе.— Гнида. Я работал у него. Вымотает за пятерку.

Я с радостью отдался под покровительство парня в шляпе. На руке у него было вытатуировано: «Вовик». Он тоже скользнул взглядом по моим рукам, но я, стыдясь, представился устно.

Со стариком в халате торговался вчерашний бич с асимметричным лицом. Он совал старику паспорт и требовал надбавить рубль.

— Какой с документами, дороже стоит,— популяризировал мне Вовик.— Выбирать может. Ты как, с документами?

— Да так,— отвечаю.— Приблизительно.

В толпе энергично лавировал человек в залатанной пижаме. Он тыкал в пижаму пальцем, как в доказательство, что живет рядом. На бирже это ценится. Бич ворчит и бунтует, когда его тащат на окраину.

— Идем,— толкнул меня Вовик.

По семь рублей на нос столковались мы с пижамным работодателем. Смуглый узбек Шараф присоединился к нам третьим.

В дом № 53 по улице Денауской привел нас хозяин. Я ожидал, что он тотчас окунет нас в работу, но он не окунал, а выставил чаю: зеленого — для Шарафа и черного — для нас с Вовиком. Лишь позже, эксплуатируясь у других, я оценил благородство такого шага.

После чая смуглый Шараф разделся до желтых трусов и нырнул в месиво, огороженное камнями в углу двора. Месиво именовалось саманом. Шараф доводил его до кондиции ногами, как лошадь в эпоху Тимуридов. Мы тем временем таскали кирпичи с одного угла двора в другой. Переброска кирпичей осуществлялась по эстетическим соображениям.

Было семь утра. Хозяин предупредил, что труд продлится до семи вечера.

Наладив транспортировку кирпичей, хозяин сделал зарядку для мышц живота и сел пить чай с клубникой...

Следующий мой хозяин — Джалилов — чай с клубникой не пил. Мы прокладывали у него арык с беспризорником из Гродно Иваном Варчом, тридцатилетиим и оцарапанным. В то время, как понимает читатель, я еще не знал ни фамилии хозяина, ни то, что дом, который он строит,— второй его дом, хотя числится, как и первый, на имя жены, ни что работает Джалилов завскладом в столовой № 11. Ничего этого я не знал, а знал лишь, что требуется убрать гальку с дорожки на обочину, и тогда мы с Иваном Варчом из Гродно получим по миске горячего плова.

Галька была убрана с дорожки на обочину, мы с предвкушением отряхнули о штаны руки, но тут распахнулась калитка, и во двор втиснулся старец с барашком на плечах. Оглядевшись, он часто задышал и приказал сыпать гальку обратно. Хозяин, который нанял нас, пытался наладить обмен мнениями, но старец сухо повернул к нему овечий курдюк.

— Раз, два, быстренько — и пойдем плов есть,— засуетился хозяин, который нанял нас.— Очень хороший плов.

Мы перебросали гальку с обочины на дорожку, но плов, дух которого уже витал над землею, отодвинулся, как линия горизонта: снизошло распоряжение закончить канаву под арык. Лопата не подлазила под кирпичную кладку, и хозяин ласково потребовал, чтобы я поорудовал ладошкой.

— Но я не нанимался рыть землю руками.

— Ай-яй-яй! — засовестил хозяин и покачал головой на упитанной шее.— Всякий труд облагораживает человека, читал? Ты сколько классов кончил?

Ваш корреспондент молча опустился на четвереньки и заработал конечностями. Одиннадцатилетний хозяйский сын с интересом наблюдал, как дядя, который кончил мало классов, уподобляется Трезору из соседнего двора. Прекрасный аргумент в пользу образования!

Иван Варч из Гродно, распаляясь, шепотом живописал харчи других хозяев. Другие хозяева, вздыхал он, кормили сказочно, а один даже давал шоколадные конфеты «Ласточка».

Плов маячил уже совсем близко, но с той стороны синих ворот засигналила машина. Хозяин с нежностью объяснил, что прибыл песочек.

— На самосвале? — спросили мы дрогнувшим голосом.

Никогда еще технический прогресс не вызывал во мне чувств столь пылких, как в эти минуты. Ах, как великолепно зрелище кузова, который самостоятельно, без нашей помощи, вываливает песок! Благодарный, на всю жизнь запомнил я номер машины: «СНБ 51-81».

Но все это — и Иван Варч из Гродно, и завскладом Джалилов, и самосвал с песком — было после, а сейчас только-только начинался мой первый рабочий день. Мы с Вовиком — моим первым напарником — таскали кирпичи, а под акацией с пиалой в руке грустил хозяин — мой первый хозяин. По двору прогуливались его родственники. Один доброжелательно обучил меня искусству таскать кирпичи. На нем был выходной костюм, и потому обучения ограничились теоретическим курсом, но это ничего, я проявил сообразительность.

Солнце взбиралось все выше, укорачивая тень и испаряя из меня влагу. Я малодушно подумывал: не лучше ли бросить все и сочинить положительный фельетон о самаркандских памятниках архитектуры?

Но тут опытный Вовик объявил:

— Баста, пора подышать.

— Дышите,— разрешил хозяин и посмотрел на часы.

Вовик угостил меня сигаретой. Я курил, стараясь выпускать дым похоже и не закашляться с непривычки. Вовик проникся доверием. Он научил меня, как огибать закон о тунеядстве: поработать недели две на производстве, а после уволиться. Полгода после этого можно здороваться с милицией за руку, другой рукой предъявляя трудкнижку.

— Но зимой биржа — гроб,— поделился Вовик.— Трешка в день. Огородов нет, стройки тихнут. Можно на производство — стены объявлениями пестрят. Но это — утро по будильнику начинать и без опохмелочки — не привык... В ноябрь на Одессу махну. Бывал в Одессе?

— Ну! — ответил я, давя окурок о подошву сандалии.

— И что?

— Ничего. Дерибасовская там.

Вовик посмотрел на меня уважительно и пригласил ночевать с собою. И адрес назвал: чердак кирпичного завода.

Надышавшись, мы снова взялись за работу. Я споткнулся и выронил кирпичи. Два из них красиво треснули. Это углядел один из родственников хозяев, мой ровесник. Он сказал мне «ничего» и ногою подвинул осколки в сторону. Потом проявил ко мне интерес, как человек к человеку.

— Женат? — спросил он.

— Да нет,— говорю,— я из Бахчисарая.

— Бродяга? — И он подморгнул, показывая, что он свой парень.

— Да так,— философски ответил я.— Все мы бродяги.

Ровесник похлопал меня по плечу и простонародно заржал, опускаясь до моего уровня. Я понял, что у меня не вычтут за разбитые кирпичи.

Тем временем смуглый танцующий Шараф довел саман до нужной кондиции. Хозяин вооружил нас ведрами, и мы принялись гуськом таскать раствор на крышу строящегося дома. С крыши открывался волшебный вид на мечеть Биби-Ханым. Но хозяин был наблюдательным. Когда кто-либо из нас замешкивался, любуясь видом, он кричал «Эй!», и чай в пиале бурлил от его голоса...

Смуглый Шараф внимательно посмотрел на мои руки литературного сотрудника и стал наполнять ведро лишь на три четверти. Торжествовал принцип солидарности.

— Нам, пожалуйста, тройную уху.
Рисунок В. КАНЕВСКОГО

А между тем близилось великое противостояние шашечных гроссмейстеров Щеголева и Андрейко: в городском театре завершался международный турнир «Самарканд-70». Я отпросился на час раньше, вследствие чего из поденной платы моей был удержан рубль. Когда спустя несколько дней я ближе познакомился с моим хозяином и узнал, что это неработающий сапожник Кайков, а он ближе познакомился со мной и узнал, что я работающий журналист Киреев, то он предложил мне этот рубль обратно. Я сообщаю об этом, дабы нарисовать объективный образ хозяина.

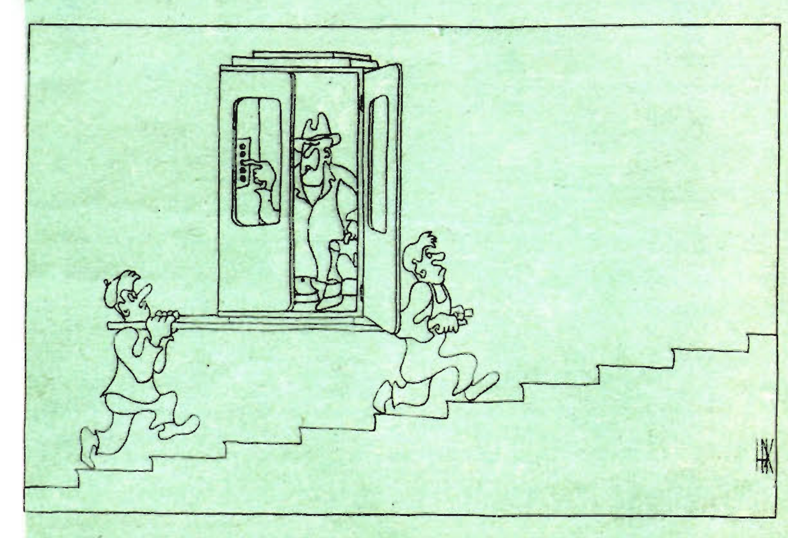
В гостиницу вечером я возвращался пешком, оберегая чистую одежду самаркандских пассажиров. Путь мой лежал через рынок. Пышный и красочный с утра, тихо умирал он своей ежевечерней смертью, чтобы завтра буйно воскреснуть вновь. Среди стоящих за прилавком увидел я того старика в халате и с бородкой, который едва не нанял меня нынче на огородные работы.

— Мальчик! — позвал он меня, не узнавая.— Мальчик! Очень хороший огурчик, три рубля кило.— И золотые зубы его блеснули, как минарет.

Прибавочная стоимость с лихвой входила в эту цену, грамотно подумал я, приобретая продукт. Сегодня это было допустимо. Сегодня мои командировочные увеличились втрое...

Я шел по улицам великого города, грыз огурец и глазел на памятники старины. Это были удивительные памятники, но меня не покидала мысль, что самый редкий и странный для нас памятник старины я уже видел сегодня. Памятник, который в отличие от мечети Биби-Ханым не охраняется государством.

г. Самарканд.

Рисунок Н. КАЛУГИНА

Misia Dura

Знакомьтесь: «МИСИЯ ДУРА»

Из далекого Монтевидео донесся голос, порадовавший наше крокодильское сердце. Невооруженным ухом мы расслышали родные сатирические нотки и едкий смех по адресу вашингтонских реакционеров и империалистов.

Так подал о себе весть уругвайский прогрессивный сатирический журнал со смешным для русского уха названием — «Мисия дура». В переводе с испанского это выражение означает нечто вроде «Ну и дела!».

Итак, будем знакомы.

Алло! Шпионы на проводе

Вы, конечно, читали, вы люди культурные, что в Монтевидео была обнаружена тайная телефонная станция. Поначалу ее техническое оборудование могло показаться бракованным — слушать можно, говорить нельзя. Но единственный клиент (он же хозяин, он же конструктор станции) не жаловался. Станцию соорудило на уругвайской земле американское Центральное разведуправление, чтобы подслушивать телефонные разговоры посольств СССР, Чехословакии, Италии и других стран.

Узнав об этом новом выдающемся достижении американского технического гения, спецкорреспонденты «Мисия дура», не дожидаясь указаний свыше, бросились по следам происшествия.

Прежде всего хотелось выяснить, как это шпионам удалось установить телефонную станцию в то время, когда каждому уругвайцу приходится ждать телефона годами. Нашей бедной телефонной компании У. Т. Е., которая на все просьбы монотонно талдычит: «Ни номеров, ни кабеля, сеньоры»,— стоило бы поучиться у янки оперативности.

Итак, репортеры запаслись лупой, собакой, пишущей машинкой, записной книжкой, лассо, микроскопом и башмаками на резиновой подошве. Перед лицом главного редактора они торжественно поклялись не упустить ни одной детали запутанного дела.

Один из наших репортеров посетил посольство США, где ему сказали, что по поводу подслушивания им абсолютно ничего не известно. Ответ явно не удовлетворил нашего представителя.

Другой направился в управление полиции. Там ему заявили, что подозреваемые в шпионаже выпущены на свободу.

— Выпущены?! — слабо пискнул наш корреспондент, и микроскоп выпал из его обмякших рук.

— Да, сеньор. Во-первых, по славным лицам задержанных было сразу видно, что такие люди никогда не занимались шпионской деятельностью. Во-вторых, по причине арестов профсоюзных лидеров — зачинщиков забастовок — в тюрьме просто не осталось места, чтобы разместить шпионов. К тому же вы знаете, что гости из ЦРУ любят комфорт и сервис, а наши места заключения еще так примитивно оборудованы...

Третьему репортеру удалось установить, что североамериканский шпионаж, за последнее время заметно усилившийся в нашей стране,— дело давнишнее, обычное, и потому никакой новизны, а следовательно, и сенсационности в этой проблеме нет.

Наконец, последний репортер выяснил, что весь шум не имеет под собой никаких оснований. Ложная тревога, дамы и господа! Как доверительно сказал ему один хорошо осведомленный высокопоставленный сеньор, то были не шпионы, а бедные люди, которые пытались изучить русский, чешский и итальянский языки по телефону, чтобы не платить за обучение.

Так что у агентов ЦРУ и волос не упадет с головы. Уж наша полиция за этим проследит. Она такая. Может быть уверены!

Перевел с испанского **В. ДОЛГОВ.**

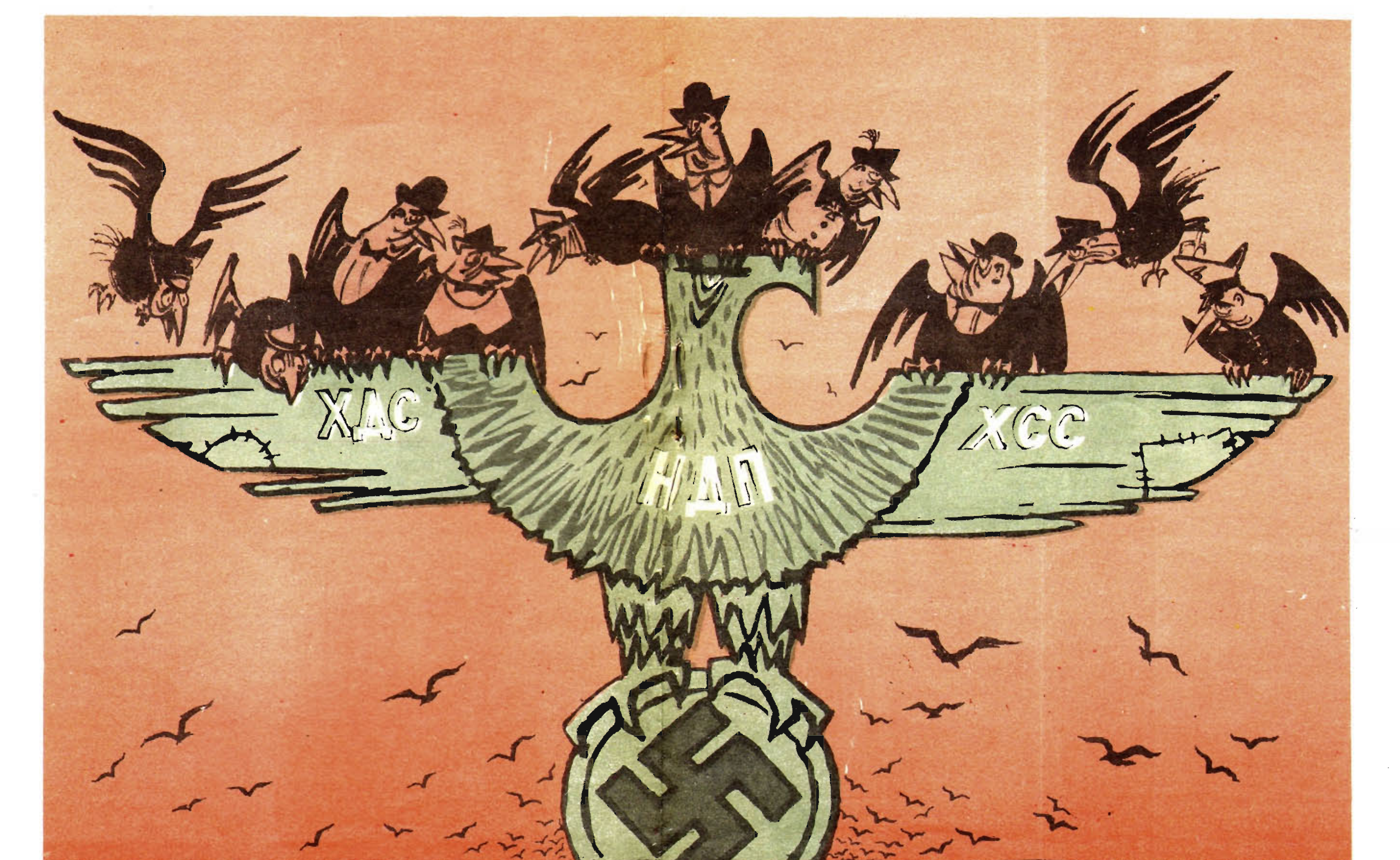
Рисунок ДУЭНДЕ

ОБЫКНОВЕННАЯ ВЕЩЬ

Рисунок ПАНЧО

Рисунок ПОЙИНА

Основа боннской оппозиции.

Рисунок М. АБРАМОВА

Н. ШИММЕЛЬ

АПОСТОЛ ПЕТР, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Боюсь, что организация сортировки душ в небесном чистилище страдает одним серьезным недостатком. Этим делом самолично занимается апостол Петр, а у него нет ни заместителей, ни помощников. Даже секретаршей-блондинкой не обзавелся.

При такой стесненности в штатах ошибки просто неизбежны. Ведь чужая душа — потемки. Может ли один апостол — даже самого широкого интеллектуального кругозора — уследить за всеми делами более чем трех миллиардов людей на Земле? Причем глядеть надо в оба!

А беспокоит меня все это вот почему. Опасаюсь я, как бы апостол Петр не дал промашки, когда предстанет перед ним Дэвид Лоуренс. Еще отправит по ошибке в рай... На словах-то Лоуренс без бога ни до порога, а на деле такое творит во славу божью, что даже в аду его следует держать в особом режиме.

Мистеру Лоуренсу уже за восемьдесят. Это крупный американский пресс-бизнесмен. Разумеется, христианин. В миру, так сказать, он молится всевышнему и почитает троицу. Но в душе предпочитает «желтого дьявола». Лоуренс — хозяин и редактор журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» с тиражом в два миллиона. Любит и сам пописывать. Строчит статейки и даже книжки на всякие политические темы. Так что доходы у него солидные. В общем, есть что завещать наследникам.

Недавно этот набожный христианин стал призывать целое государство «вернуться к богу».

Вы, наверное, подумали — Америку? Что ж, это было бы резонно и весьма актуально. Слишком уж много небогоугодных дел творят ныне американцы — и верующие и неверующие, и у себя дома и за тысячи миль от него. И Лоуренс с полным основанием мог бы напомнить им хотя бы некоторые из библейских заповедей. Например, не убий, не укради, не прелюбодействуй. Особенно актуальна сейчас для Америки заповедь не убий... президентов, студентов, негров, вьетнамских детей, камбоджийских женщин...

Увы, новоявленный пророк из «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» печется о нравах не в собственном доме. Он призывает... Советский Союз обратить взор к небесам.

«Если бы только Россия вернулась к богу» — так озаглавил он свою статью, занимающую целую страницу в одном из последних номеров его журнала. Страницу, которая регулярно отводится под «мнение редактора».

«Возвращение России к богу,— вещает Лоуренс,— приветствовал бы весь мир». Не более и не менее!

Напрасно, однако, Лоуренс берется говорить от имени всего мира. И ему — и не только ему — хорошо известно, чье мнение он высказывает. Достаточно прочитать только эту его статью, чтобы понять: он подголосок. Ведь почти половину статьи составляет выдержка из послания Никсона конгрессу «О положении в мире».

В другой же половине — сплошная хула внутренней и внешней политики Советского правительства. Он кричит, что «бессердечность» Советского правительства «создала для всего мира угрозу ядерной войны». В любой день Советская Армия, каркает Лоуренс, «может быть брошена на Западную Германию или какую-либо другую страну в Европе для захвата новой территории. А ядерная бомба может быть сброшена в качестве предупреждения Соединенным Штатам...» И так далее. И все это, дескать, потому, что в России «господствующей доктриной стал атеизм».

Эта статейка Лоуренса и навела меня на мысль обратиться к апостолу Петру. Поначалу хотел я прямо послать апостолу сочинение Лоуренса, но раздумал. Взглянет он на заголовок «Если бы только Россия вернулась к богу», а саму статейку по перегруженности своей не прочтет. И может в авральных условиях наложить ошибочную резолюцию. Не разберется, что даже заголовок этой статейки — от лукавого, попытка прикрыть именем господа очередную клевету на Советское государство.

Зато уж теперь-то, надеюсь, апостол Петр с помощью Крокодила разберется, в какие хоромы направить черную душу старого грешника Дэвида Лоуренса.

В. ВАСИЛЬЕВ

Реклама — двигатель убийства

На заре века коммерсанту мосье Труакару, орудовавшему по линии дамского конфекциона, зверски хотелось сбыть партию модных шляпок. Из монмартрского кабачка «У кота» спешно извлекался очень голодный художник, и ему давался заказ: нарисовать рекламную шляпу в виде чего-то ужасно поэтического. Настырный коммерсант смутно говорил о музах, грациях, Тициане и, потупясь, разъяснял, что реклама — двигатель торговли.

Оголодавший маэстро, не кобенясь, приступал к работе. Образ дымящегося рагу витал над его мольбертом. Эмоция голода толкала маэстро под девятое ребро, он гениально рисовал витиеватую рекламную шляпу, которую при желании можно было принять за что угодно: гнездо аиста, каравеллу или дом с мезонином. К шляпе присобачивались каллиграфически выписанные строки из Овидия или Горация (очень хотелось рагу!).

Теперь дело пошло прямее и проще. И, глядя на рекламы мощных военных современных фирм: «Боинг», «Панар», «Рейнметалл»,— мы даже при не очень высоком полете фантазии четко видим, как в кабинет шефа рекламы компании «Рейнметалл» входит гусиным шагом фирменный художник.

— Вольно,— командует шеф.— Ахтунг! Я вас немедленно увольняю.

— Цум бефель! — кричит потрясенный маэстро.— Слушаюсь. Абер за что? Разве не опоэтизировал я эти гадкие инструменты, разве не удалось мне в самой романтической манере изобразить станковый пулемет, похожий на белокурую Лорелею, склонившуюся над тихоструйным Рейном?..

— Молчать! Свинособака! Швайнехунд! — рявкает завбюро.— Доннер веттер, что в переводе на неарийские языки означает громовую погоду! Нашим покупателям не нужны символы. Просто и прямо нарисуйте самый настоящий пулемет! Да без всяких там штучек-дрючек. А чтобы все-все было понятно, снабдите рисунок текстом:

«**Пулемет МГ-3 улучшает то, что уже было совершенным, то есть пулемет МГ-2, отлично зарекомендовавший себя на фронтах второй мировой войны. Этому орудию истребления свойственны многие высокие качества, им легко управлять, оно незаменимо в наземном бою. Прогресс достигнут за счет опыта**».

Какой именно опыт, всем известно. И, более уже ничего не вуалируя и действительно без всяких там символов, фирма «Рейнметалл» помещает в издании «Зольдат унд техник» вместе с приведенным выше текстом рисунок пулемета, расстреливавшего детей Лидице и Смоленска, Орадура и Варшавы. Опыт действительно есть...

Те, кто не приобрел достаточно «опыта на фронтах второй мировой войны», стремятся компенсировать сей пробел за счет «подвигов» на фронтах современных. Поэтому разговор заказчика с рекламным художником в помещении фирмы «Дуглас» звучит так:

— Хеллоу! — говорит, затягиваясь сигарным дымом, шеф рекламы.— Надеюсь, мой мальчик, вы не очень занимались всяким там декадансом, символизмом?

— Что вы, босс! Я налегал на самые нежные душевные струны клиентов. Нарисовал боевой самолет, да как можно страшнее, и поместил такую подпись: «**Скайхок» в бою так же страшен, как разъяренный ястреб! Бомбы, ракеты, пушки и так далее. А главное, его окупаемость вдвое выше, чем у тактических боевых машин того же класса. Его эксплуатация столь дешева! Он так экономичен!**»

— О'кэй! — улыбается шеф.— Немедленно передайте это в журнал «Авиэйшн мэгэзин»...

Действительно, как удобно, выгодно и приятно — сколько человеческих душ погубить можно, сколько крови пролить, и буквально за грош!

Конечно, в конкурентной борьбе стремится не сдать позиций и знаменитый «Боинг». Этот, уже ничего не стесняясь (благо и журнальчик «Боинг — Хеликоптерс» свой собственный), дает, правда, не рисунок, а красноречивый фотомонтаж. Бравый американский «джи-ай» держит на руках вьетнамскую девочку. Нет, она не боится. Она приняла конфету из рук супермена, вылезшего из брюха грозного суперкорабля. «**Она любит «Чайнук»! Она полюбила вертолет «Чайнук», выпускаемый фирмой «Боинг». Покупайте вертолеты «Боинга». Они надежны, быстры, экономичны...**»

Стоп. Действительно, мир еще не знал подобного бесстыдства. Даже алчные американские сигаретные компании вынуждены снабжать свою продукцию надписями, предупреждающими о вреде никотина... Эти же открыто гордятся тем фактом, что с вертолета, такого надежного и обладающего таким высоким коэффициентом «полезного действия», был только что убит мирный крестьянин, отец вьетнамской девочки... Убит так дешево!

Времена и впрямь не те... Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. И даже тихая маленькая Швейцария, страна респектабельных банкиров и рантье, излюбленное место для проведения благонамеренных конференций, вполне беззастенчиво рекламирует свой «**спаренный «Эрликон», сверхскоростное средство поражения как самолетов, так и живых целей...**».

«Убивайте, убивайте, убивайте!» — захлебывается реклама. Она и не думает прятаться за пышную завесу кудрявых иносказаний и витиеватых картинок в стиле барокко. Реклама пряма и груба, как пушечное дуло. Убивайте быстро, убивайте точно. И дешево, черт вас всех побери!

А старомодный мосье Труакар болтал что-то смутное о музах, грациях и Тициане...

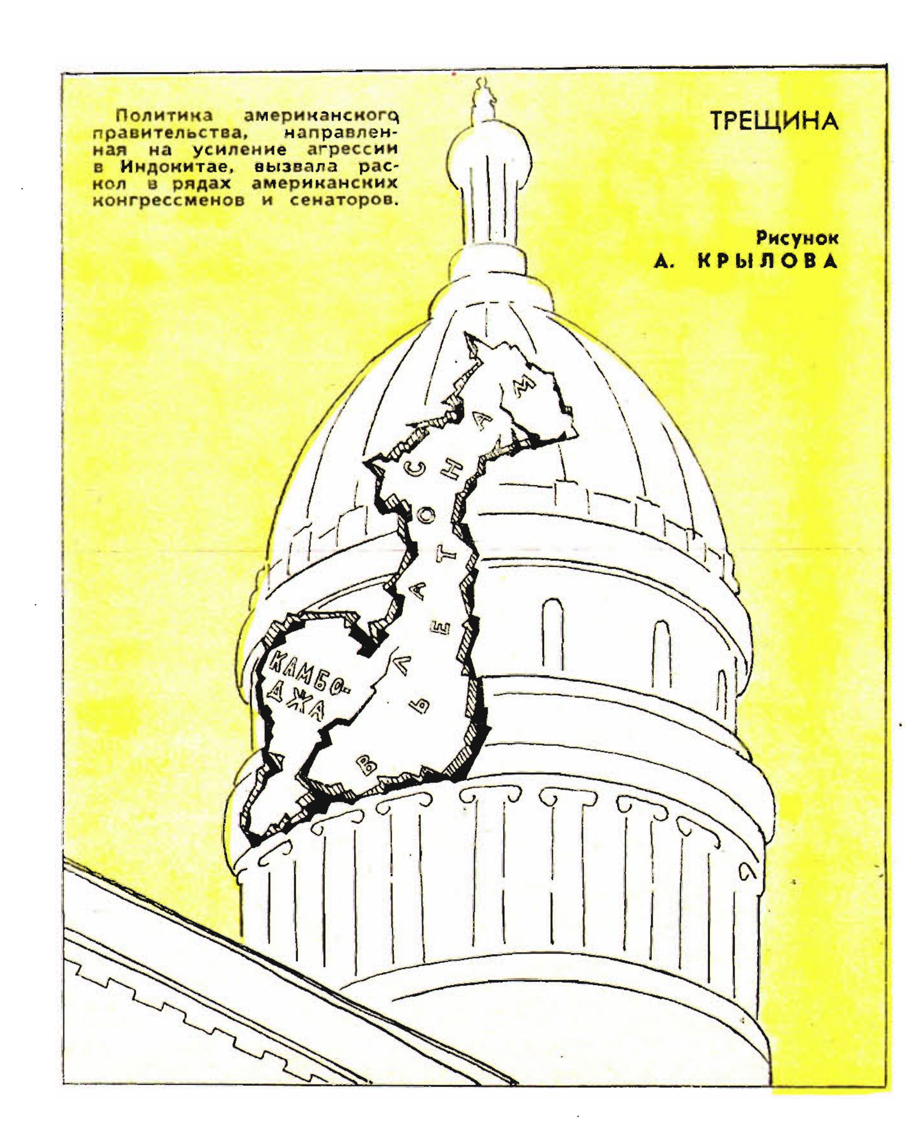

Рисунок А. КРЫЛОВА

М. ВИЛЕНСКИЙ

ЗАСТОЛЬНАЯ ПОВИННОСТЬ

— ...А у Чихлянских на юбилее — вспомнить страшно!— сказал муж.— Я один перемолотил, наверное, пять кило снеди. А спроси: для чего? Желудок давит на легкие, ни вздохнуть, ни охнуть. Глаза выпучились, вот-вот выскочат из орбит и запрыгают по полу, как шарики от пинг-понга, а все жру...

— Кошмар,— согласилась жена.— Потоньше, потоньше...

— Мним себя интеллигентами, а сами каннибалы, язычники. На угощение накидываемся, будто нас дома не кормят. У Виктора Венедиктыча на дне рождения, помнишь? Эстет, критик, «Стасов сегодня», ну, устроил бы чай с бисквитами, пригласил бы пианиста со скрипачом, послушали бы Дебюсси, Скарлатти в живом человеческом исполнении, поговорили бы об умственном. Нет, нажарил, напарил, натушил, как на маланьину свадьбу. И мы хороши — навалились, как с голодухи. Вместо культурных контактов получилась пошлая, банальная обжираловка — до рыгания, до икоты. И сам Венедиктыч! «Кто,— говорит,— хочет свежей рыбки?» Сунул лапу в аквариум, вытащил своего любимца — карликового японского сома и швырнул на сковородку! Вот тебе и «Стасов сегодня»! И я ел, да еще плавничок обсасывал...

— Стыд! — согласилась жена.— Не так толсто.

— Я люблю людей, но боюсь с ними общаться вне работы, честное слово. Чуть зазевался, и ты уже за столом и поднимаешь тосты, или тебя угощают, или ты угощаешь. И глотаешь, и пьешь, и снова чавкаешь, и опять пьешь, пока не вспучит. Главное, все культурные, все знают, что переедание в нашем возрасте, особливо на ночь, чрезвычайно вредно, а сидят, прилипнув к столу пузом, и жуют, и грызут до боли в челюстях. Я эти винегретные клумбы в хрустальных шайках видеть уже не могу, мутит с порога.

— Да, откровенное чревоугодничество. Помельче, помельче.

— Я рад, что ты со мной согласна, дорогая. Иногда я думаю, что все это еще от полного неумения духовно насытить гостей. Иному главе семьи совершенно не под силу заранее выдумать пять-шесть интересных тем для общего разговора. А вот навалить на стол пуд всякой всячины да понатыкать полдюжины поллитровок — это всегда пожалуйста. И вы, дамы, нам под стать. Не облагораживаете вы нас, отнюдь. Мы жрем, вы подкладываете, и сами не отстаете. Хорошо это? Изящно?

— Да что говорить! Кубиками, кубиками...

— В прошлый раз у Флюсовых я все порывался рассказать, как ловил в пойме Амазонки бабочку «Черный муар». Где там! Только рот раскрою, мадам тут как тут: «Ах, почему вы ничего не едите?» — и раз мне ножку в рот — жареную, куриную. Как соску орущему младенцу. Я обглодал, только завел опять: «Помню на Ам...» Не успел выговорить «Амазонка», как она перебивает: «Почему же вы ничего не едите, дорогой?» — и половник салата мне в пасть — швырк! Кочегар, а не женщина! Значит, ей плевать на мои рассказы, на мой интеллект, мои интересы. Ей надо, чтоб я кусал, вгрызался, обгладывал, заглатывал, жевал, облизывался. И тогда она будет считать, что вечер удался на славу.

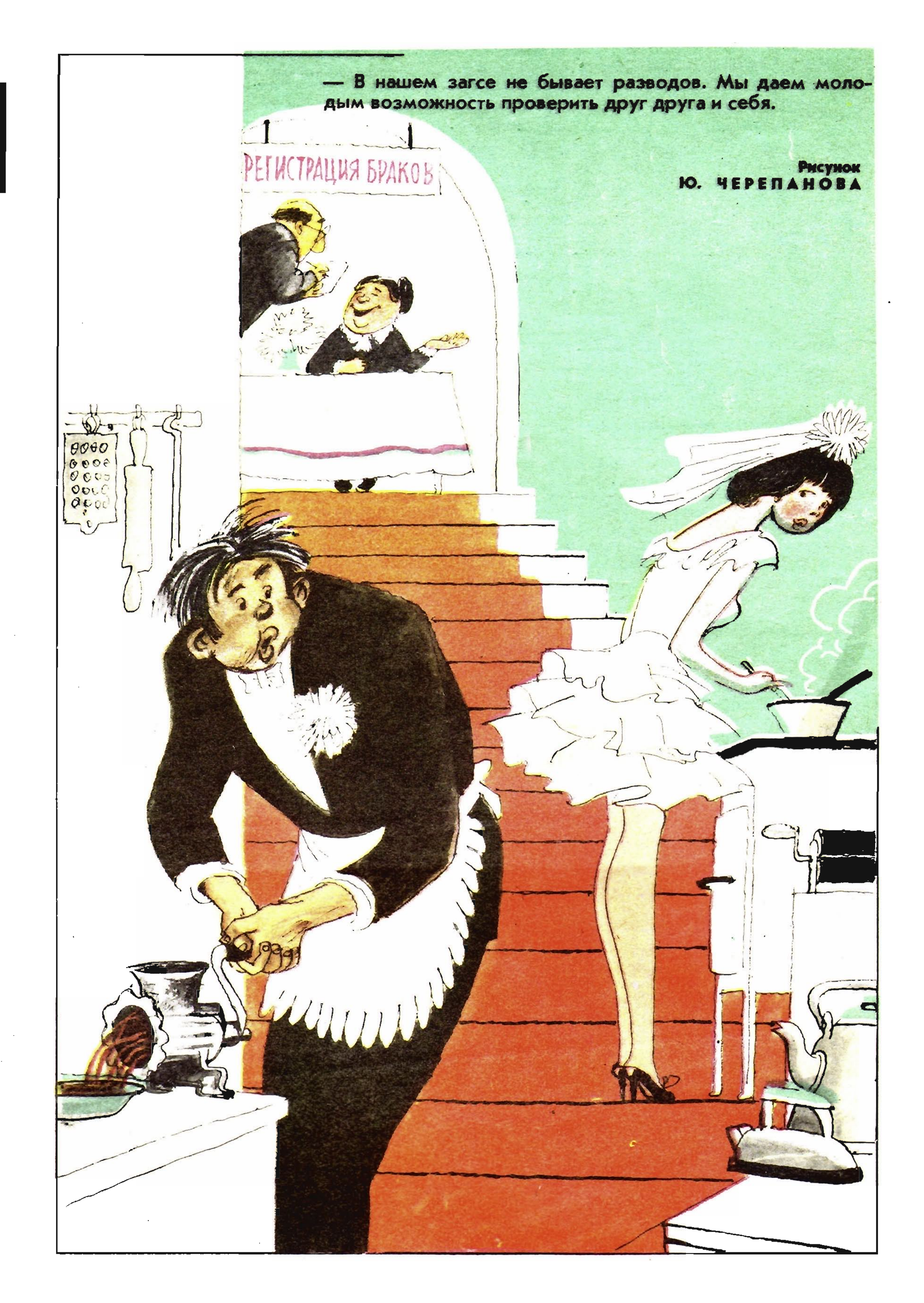
— Да, варварство. Квадратиками, потоньше.

— От стола на карачках уходим. А дома рухнешь, бесчувственный, на тахту, губы расшлепнешь по всей подушке, на физии — страдание, сердчишко едва трепыхается, как мышонок, придавленный булыжником. Прелесть...

— А попробуй не угости до отвала,— объявят жмотами, обидятся. Остальное меленько, меленько.

— Если бы только обиделись! Морально линчуют!

— Ну все, милый. Теперь заправь майонезом, хорошенько перемешай, переложи в большую хрустальную вазу, посыпь лучком и желтком и поставь на стол между пирогом с капустой и холодцом. Потом помоги мне перевернуть гуся в духовке и начинай одеваться: через час придут...

— В нашем загсе не бывает разводов. Мы даем молодым возможность проверить друг друга и себя.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Г. ПЕРОВ

ТАЙНОЕ ОРУЖИЕ

В наши дни,
когда мужчины
Женам отданы во власть,
Так что даже есть причины
Вместо страсти
в ярость впасть;
Когда женщины —
наука,
И промышленность,
и МХАТ
И от дедушки до внука
Всем грозит матриархат,

— Не сдаюсь! —
кричу,—
Довольно!
Зло обязан я пресечь!
Даже если будет больно
И костьми
придется лечь,—
За права мужские встану
И, покуда силы есть,
Ни тарелок мыть не стану,
Ни углов не буду месть!..
Ни к чему играть нам
в прятки,
Выполняй-ка
женский долг!..
И с душой, сбежавшей
в пятки,
Я воинственно умолк.
Жду
(к защите и атаке
Одинаково готов)

То ли крика,
то ли драки,
То ли действий,
то ли слов...
Но спокойно,
безмятежно
И, ничуть не смущена,
Обаятельно и нежно
Улыбнулась мне жена...
И, вспорхнув со стула
бодро,
Словно за день не устал,
В полотенце втиснув бедра,
Я у раковины встал.
После,
пыль сметая с кресел,
Удивлялся:
«Вот осел!
Все ходы и шансы взвесил,
А улыбку... не учел».

г. Кишинев.

Счастье помогло...

Как только пермский рабочий тов. Бычков выиграл по билету денежно-вещевой лотереи автомашину «Запорожец», на него нахлынули неприятности. Сгруженный на товарном дворе станции Пермь-II автомобиль предстал таким, словно десяток дюжих молодцов осатанело крушили его в пути увесистыми кувалдами.

Стали считать дефекты и отсутствующие части. Насчитали десяток.

На следующий день тов. Бычков пришел с экспертом. Опять стали считать. Список завершился на цифре «11». Ночью кто-то успел позаимствовать аккумулятор.

Бычков стал интересоваться насчет возмещения убытков.

В железнодорожном актово-претензионном отделе ему доброжелательно разъяснили:

— Мы сначала постараемся доказать поставщику, что виноват он, а поставщик, тоже не дурак, будет доказывать, что виноваты железнодорожники. Но вы все равно свое получите. Наберитесь терпения и ждите.

Бычков ждал. Опять ждал. Еще ждал. И только когда его терпение полностью истощилось, снова наведался в отдел. А там ему спокойно заявили, что исковой срок истек и он ничего уже не получит.

Вот и получилась в семье Бычкова редчайшая ситуация: не было бы несчастья, да счастье помогло.

Г. СЕМЕНОВ

Наконец-то!

Наконец-то я дома! Кончились кошмары переделкинского санатория для сердечных больных. Но чуть глаза прикрою, как снова кружатся тяжкие видения...

Возле главного корпуса — огромное озеро-помойка. Чего тут только нет: от скисшей пищи до консервных банок. И все это бурлит, как гейзер, всходит, покрывается мелкими пузырьками. А ароматы такие, что не продохнуть.

Вот другое видение. Тебе надо позвонить домой. Занимай очередь у телефона. Очередь примерно такая, как в войну за сахарином... Телефон же один и работает только три часа. Когда ты уже валишься со стула от многочасового ожидания, кто-то толкает в плечо:

— Ваша очередь!

И ты, путаясь спросонья в мыслях, подбегаешь к аппарату.

Но что значит эта очередь по сравнению с очередью за билетами в кино! Зал рассчитан только на половину отдыхающих — и торопись, не прожевав пищу, к билетерше, начинающей работать параллельно с обедом. О счастливцы, доставшие билеты! Правда, летом в закрытом кинозале душно... Единственное утешение, что тем, кто не смог добыть билет, еще хуже. Им приходится утешаться обещаниями:

— Вот скоро выстроят летний кинотеатр, и тогда всем места хватит!

Хрущу дома редиской и думаю:

«Слава богу, что успел, а то бы так и прошла вся весна, а я не попробовал бы такого деликатеса. В столовой санатория из овощей в основном свекла. До сих пор она стоит бордовыми пятнами в глазах...»

Вздрагиваю при воспоминании о дороге от станции до санатория. Разъехаться невозможно, а вот столкнуться — вполне! Зимой еще хуже. Вежливому автомобилю приходится долго пятиться назад, уступая дорогу. А бывает и так: машины, как бараны, уставятся лбами друг в друга и стоят, пока не появится третейско-милицейский суд.

Было ли что-то хорошее в санатории? Было. Воздух. Огромный березовый лес. Говорят, что на территории этой усадьбы лет шестьдесят назад заблудился человек, да так и сгинул. Нынче леса не такие, но все же что-то и на наш век осталось.

А так... Ну, ничего, дома акклиматизируюсь, и кошмары как рукой снимет!..

Алексей МАРКОВ

ОСТРОУМНЫЕ ЛЮДИ

Немного осталось мест на земле, где еще умеют по-настоящему веселиться. Фантазия человеческая явно скудеет. Задавленные бытом, люди перестают отличать смешное от глупого и начинают путать каламбур с мордобоем.

Ах, бедные, задавленные бытом люди! Им бы пожить в поселке Томаровка, Белгородской области! Вот где еще не потеряли чувства юмора!

Готовились, скажем, в Томаровке встретить Международный женский день.

— Давайте,— говорят,— что-нибудь такое придумаем. Чтоб смешно. Чтоб весь народ гулял бы от души.

— Например,— говорят,— на базарной площади Останкинскую телебашню построим. И вокруг нее в горелки играть будем.

Однако это предложение отвергли. Потому что времени до праздника оставалось два дня. За два дня не построить ее, башню-то.

Кто-то говорит:

— А может, просто столб поставим? А на верхушку столба — пол-литра. И пускай каждый товарищ лезет на столб, если желает.

Тут все сразу возмутились.

— Как вам,— говорят,— не стыдно! Такое ответственное мероприятие, а вы — пол-литра! Только идею опошляете! Две пол-литры — вот что должно быть на столбе, и никак не меньше. И чтоб одна из них была коньяком. Вот тогда пускай лезут и достают. Тем более иначе его не достанешь. И чтоб оркестр при этом играл.

И все решили:

— Правильно! Это будет остроумно.

Ох и повеселились тогда в Томаровке!

Все было исполнено, как задумано. На базарной площади стоял столб. На верхушке столба пленительно светились две пол-литры, одна из которых была коньяком. Духовой оркестр играл «все выше, и выше, и выше», а граждане вдохновенно карабкались на столб и, не долезши до верхушки, соскальзывали, потому что столб был очень гладкий, а росту в нем было метров десять, не меньше.

Ох, повеселились! Прямо все умирали со смеху!

В конце концов один гражданин все же достиг вершины. Здоровый такой малый. Ему эти две пол-литры выпить — все равно, что два пальца обмочить. Но правила — это правила. Что достал, то твое, но не больше.

Положил малый бутылки в карман и ушел восвояси. И всем немного даже грустно сделалось: столб по-прежнему стоит, а на столбе уже ничего не светит. Только оркестр играет: «На тебе сошелся клином белый свет...».

Но грустили недолго. Кто-то предложил:

— Пойдемте, братцы, в магазин. Тут близко. И карабкаться не надо.

И все сказали:

— Правильно!

И пошли в магазин.

Умеют все-таки веселиться в Томаровке! Остроумные люди!..

А. МАТЛИН

Сон в летнюю ночь

Командированному много ль надо? Чтоб крыша была над головой, ну и стены вокруг желательно.

Оказался я по делам в городе Павловске, что в Воронежской области. Гостиница там хорошая с виду, выстроена недавно. Выхлопотал себе койко-место. Лежу, притомленный дальней дорогой, на своих простынях, блаженствую. Крыша есть и стены. За окном темнота... Ну и, конечно, заснул.

Вдруг будто фугас ухнул поблизости. Стены колыхнулись, с потолка штукатурка посыпалась. Выскакиваю в полунеприличном виде в коридор. Оказывается, это не бомба, а всего лишь входная дверь бухает.

Успокоился кое-как, заснул, но тут вдруг давай меня терзать неизвестно откуда взявшиеся бубенцы. Открыл глаза, помотал головой и все понял: оказывается, это телефон надрывается на столе, вот-вот лопнет. Хватаю трубку, а в трубке голос:

— АТС, проверка.

Засыпаю опять, и на этот раз почти окончательно, но тут раздается страшный выстрел. Сквозь стену доносятся жизнерадостные возгласы и счастливый смех возвращающихся из ресторана отдельных гостиничных обитателей. Оказывается, не выстрел это, а всего лишь соседская дверь хлопнула...

Попытался я снова заснуть, да вдруг обнаружил, что утро уже, а народ на работу спешит. Стало быть, и мне пора...

В. КОПЫЛОВ

г. Острогожск,
Воронежской области.

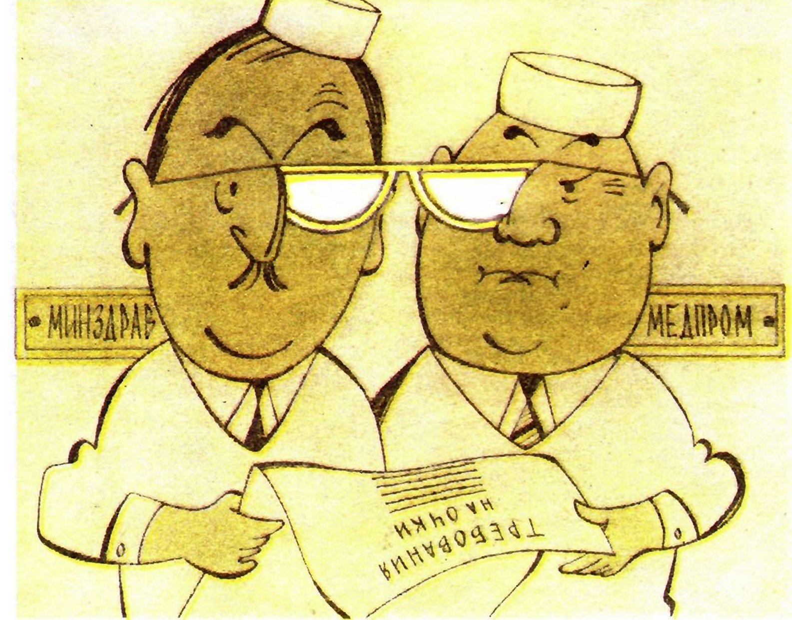

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

СПЛОШНЫЕ ВУНДЕРКИНДЫ

Ведь, кажется, совсем недавно мы, узнав про одиннадцатилетнего мальчика, сочинившего оперу, или про двадцатичетырехлетнего профессора математики, только удивлялись и ахали.

А сейчас этими пустяками никого не удивишь. Время сейчас такое.

Вот кто, к примеру, знает про девятилетнего Костю Науменко, ученика второго класса волгоградской школы № 84, который имеет честь быть членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, являясь параллельно членом Всероссийского общества охраны природы и одновременно состоя членом Общества Красного Креста и Полумесяца?

Раньше бы о таком ученике сообщили в «Пионерской зорьке» и поместили бы, как минимум, фотографию в молодежной газете. А сейчас это все — обыденность, ибо таких Кость у нас целые классы. Грустно, конечно, что никого это не удивляет, но ничего не поделаешь: время сейчас такое.

И. АЛЕШИН

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ШАЙ-КУ!

Древняя и элементарная, как грабли, шайка мучила Минкоммунхоз РСФСР, а точнее — главк коммунального обслуживания населения.

— Шай-ку! Шай-ку! — требовала баня от главка.

Главк коммунального обслуживания, в свою очередь, не давал житья главку производственных предприятий:

— Шай-ку! Шай-ку!

А тот терзал подведомственный ему Загорский завод, специализирующийся на вентиляторах:

— Шай-ку! Шай-ку!

Дирекция завода нажимала на виртуоза дядю Сережу Куракова. Но безуспешно.

— Несподручно это нам! — отбивался от шаек виртуоз.— Наше дело какое? Вентиляторы. Ну ручки изладим, а стальной тазик — нет: пресс нужен, оцинковка... Закажите их, шайки, кому способнее...

Соображения дяди Сережи передали начальнику главка. «Заказать! Кому? Другому ведомству? Ладно бы что солидное, а то шайки! Смешно и стыдно за главк родной!» — скучал он.

И разработал производственный процесс, который сулил в короткий срок закидать шайками главк коммунальников.

Начало процесса доверили шоферу завода Степанову.

— Будешь, Женя, делать шайки! — весело сказали ему в дирекции.

— Что? — испугался Женя.— Я шофер!

— Вот и хорошо! Заводи мотор и кати в Баковку: перекинешь из Загорска сталь для тазиков на завод «Эмальпосуда» Министерства местной промышленности...

Женя перекинул.

Вскоре его опять позвали в дирекцию.

— Кати в Баковку — привезешь тазики.

Женя занервничал, но тазики привез. Так Загорский завод наладил первый цикл производства шаек. Второй — дирекция завода поручила виртуозу-жестянщику.

— Ну вот, дядя Сережа,— обрадовали его,— ладь ручки к тазикам.

Виртуоз на сей раз не отбивался.

Заключительную часть производственного процесса — оцинковку тазиков — возложили опять же на Женю Степанова. Для чего отрядили его с тазиками в Болшево, на завод «Металлопосуда» Министерства местной промышленности...

— Это что же за производство такое?! — нехорошим голосом сказал Женя, вернувшись.— Сколько я километров уже накрутил?!

По поручению Крокодила я прибыл в Загорск, чтобы ознакомиться с мудреной шайкой.

— Осторожно! — с видимым сарказмом предупредил меня дядя Сережа, демонстрируя обыкновенную шайку.— Золотая!

Я осмотрел плод кооперирования трех заводов, двух министерств и попятился к Москве. Мне страшно не терпелось узнать, как смотрит на такую сложнокооперированную шайку начальник Главного управления производственных предприятий Минкоммунхоза РСФСР товарищ Викентьев.

Товарищ Викентьев смотрел на это хорошо.

Он даже был горд, поскольку на шайке сиял штамп, свидетельствующий о том, что данный банный агрегат родился в сферах родного главка.

— А что если заказать шайки целиком тому же баковскому заводу «Эмальпосуда»? — наивно справился я у начальника главка.

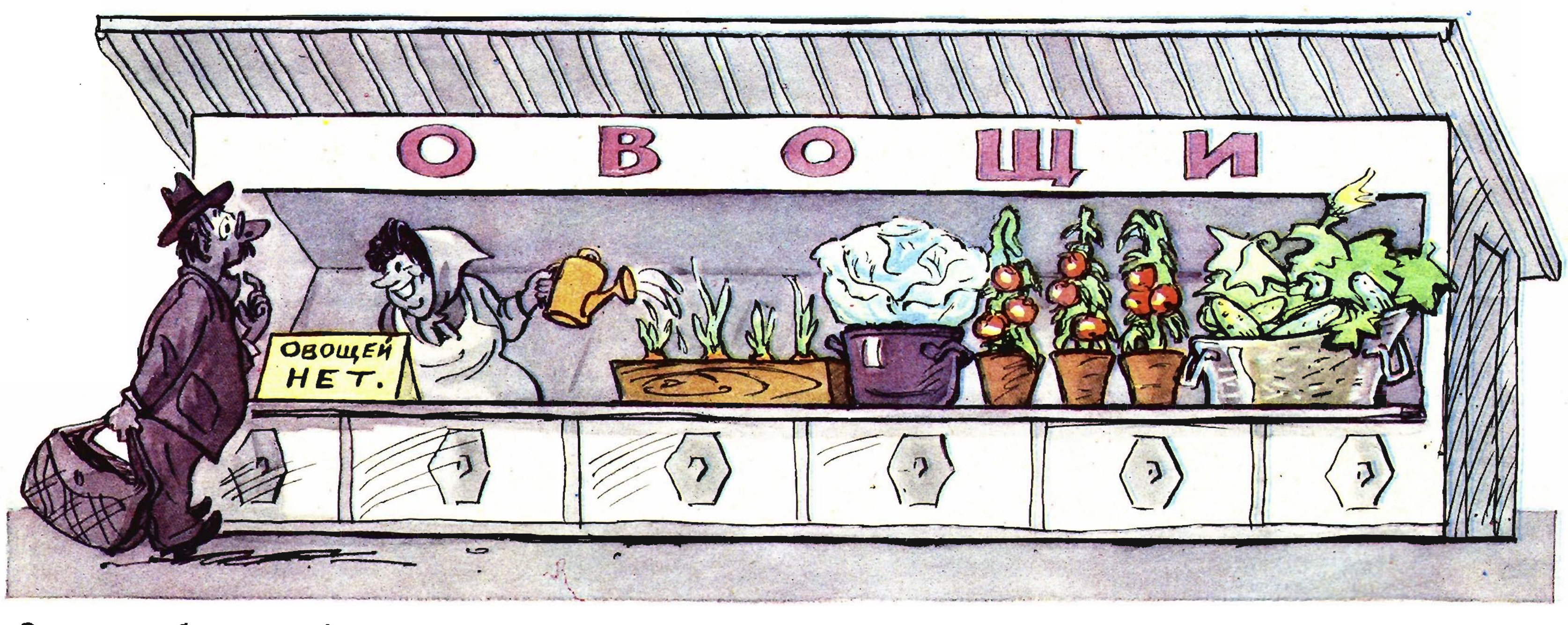
— Что вы! Это же другое ведомство! — ахнул товарищ Викентьев.— И, успокоившись, заверил: — Ничего, скоро, думаю, мы закидаем бани шайками! — И, облегченно вздохнув, посмотрел в окошко.

Там, за окошком, расстилались поля Московской области. А где-то по дорогам области катила, гремя сталью, машина Загорского ремзавода.

Женя Степанов продолжал производство шаек и чертыхался:

— Это что же за производство?!

Московская область.

— Это я для себя посадила!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Литературные пародии

Михаил ГЛАЗКОВ

Классическое мнение

Был слеп Гомер, и глух
Бетховен.
Дмитрий КЕДРИН

Гомер был слеп,
Бетховен — глух.
Николай ЯКУШЕВ.

Был слеп Гомер,
Бетховен — глух.
Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Я, как все смертные,
греховен.
Уселся в чайной,
например,
Гляжу, а там сидит
Бетховен
И рядом, стало быть,
Гомер.

Ну я, понятно,
не мускату —
Покрепче взял:
Мол, не грешно
«Обмыть» бы «Лунную
сонату»
И «Одиссею» заодно.

В ответ Гомер задвигал
стулом,
Бетховен пробурчал
под нос.
А я автограф
подмахнул им
И тут же книжку
преподнес.
Потом привстал солидно
с места,
Налил стакан,
понюхал хлеб.
— Ну, как стихи?
Скажите честно!
...Гомер был глух,
Бетховен — слеп.

г. Ярославль.

Е. САГАЛОВСКИЙ

Пей до дна!

«...Поднесут в стакане огненного спирта,
Отхлебнешь глоток —
растает лед тревог».
«На донышке — в бутылке коньяку.
Сидим с полярным летчиком Козловым,
Чуть-чуть огня в стакан плеснув опять».
«Хлебнуть бы, что ли...
полтораста
водки...»

М. ПЛЯЦКОВСКИЙ. «Ищи меня по карте».

Неразведенный спирт стаканами мы хлопали,
Потом не сразу попадали в унт ногой.
Я нюхал тот листок, что ты взяла у тополя,
И думал: «Он с зеленым змием цвета одного».

И от Большой Земли на дальнем расстоянии
Вдруг понял я, опять плеснув огня в стакан:
Мне по плечу теперь любые испытания
И по колено хмурый Ледовитый океан.

...А под ногами льдина в тихом вальсе кружится.
Плывет, качаясь, над палатками луна.
Здесь, как нигде на свете, пишется и дружится!
Всю ночь поет морзянка за стеною: «Пей до дна!»

г. Донецк.

— А у меня дачники свободно разгуливают по всему участку!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Юрий ШАНИН

Рифмованные ожоги

«...вошел он и сжег
без остатка».
«А мне еще метаться и гореть,
и обжигаться...»

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Прости мне стихи-
некрологи.
Прости, что сегодня
и впредь
хочу, получая ожоги,
сверкать, полыхать
и гореть!

Прости, что тревожною
ранью
пылаю. И ночью прости!
Опасность самовозгоранья
мне дома грозит и в пути.

Без гордости, спеси
и страха
Расплавилась даже слегка...
Горю! Но агенты
Госстраха
меня не читают пока.

Мих. ВЛАДИМОВ

НА СНОСЯХ

Прости меня. Уже во мне оно.
Я ощущаю рифм его биенье —
Ему на свет пора, ему темно.
Я жду его, как ждут
выздоровленья.

Алексей СМОЛЬНИКОВ

Все говорят: мой изменился вид —
Веснушки. И другая чертовщина...
Не про меня ль сказал Бурлюк Давид:
«Мне нравится беременный мужчина»?

Плод зреет. И попробуй — запрети!
Он глубоко, как в темноте колодца...
То потянуло на духи «Коти»,
То огурца солененького хотца.

На три размера больше сшил я впрок
Пиджак себе, фасоном незатейлив.
Строг рацион: в ЦДРИ — томатный сок,
А в ЦДЛ — молочные коктейли.

По две строки, а то и по одной
Строчу для малышонка распашонки.
То стихнет стих, то, словно бы шальной,
Бац в диафрагму левою ножонкой!

Хоть критики мне тоже не враги,
Врачи нужнее. Я по ним тоскую:
Скорей бы («Литгазета», помоги!)
Открыли консультацию мужскую!

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Моя собака так умна, что, когда возвращается домой, сама нажимает на кнопку звонка.
— Моей собаке не приходится этого делать: у нее есть свой ключ.

●

В парикмахерской:
— Как, меня будет брить ваш ученик?! А он меня не порежет?
— Нет, я дам ему совсем тупую бритву.

●

— А вы не считаете,— говорит мать классному руководителю,— что у моего Васи много оригинальных идей?
— О да,— отвечает учитель,— особенно в орфографии.

●

В зоомагазине происходил аукцион: распродавали попугаев. Одного из них приобрел мистер Смит.
— Надеюсь, он хорошо говорит?— осведомился Смит у продавца.
— Еще бы! Ведь это он все время набавлял цену!

●

Во время съемок фильма режиссер говорит актеру:
— Вот с этого обрыва, Билл, вы прыгнете прямо вниз.
— А вдруг разобьюсь?!
— Не страшно, ведь это последний кадр фильма.

●

— Официант, у этой курицы одна нога короче другой!
— Ну и что же! Вы же не собираетесь танцевать с ней!

●

— Что бы вы делали, если бы на вашу жену напал тигр?
— Я бы не стал вмешиваться: сам напал, сам пускай и защищается...

●

В школе задали сочинение на тему «Мои родители». Девятилетний мальчик написал: «Родители нам достаются в таком возрасте, что от многих привычек нам уже не удается их отучить».

●

Пьяный муж поздно возвращается домой, открывает дверь спальни и говорит жене:
— Пожалуйста, начни ругаться, а то я в темноте никак не найду постель.

●

— Доктор, а что вы делаете, когда сами простуживаетесь?
— Кашляю.

●

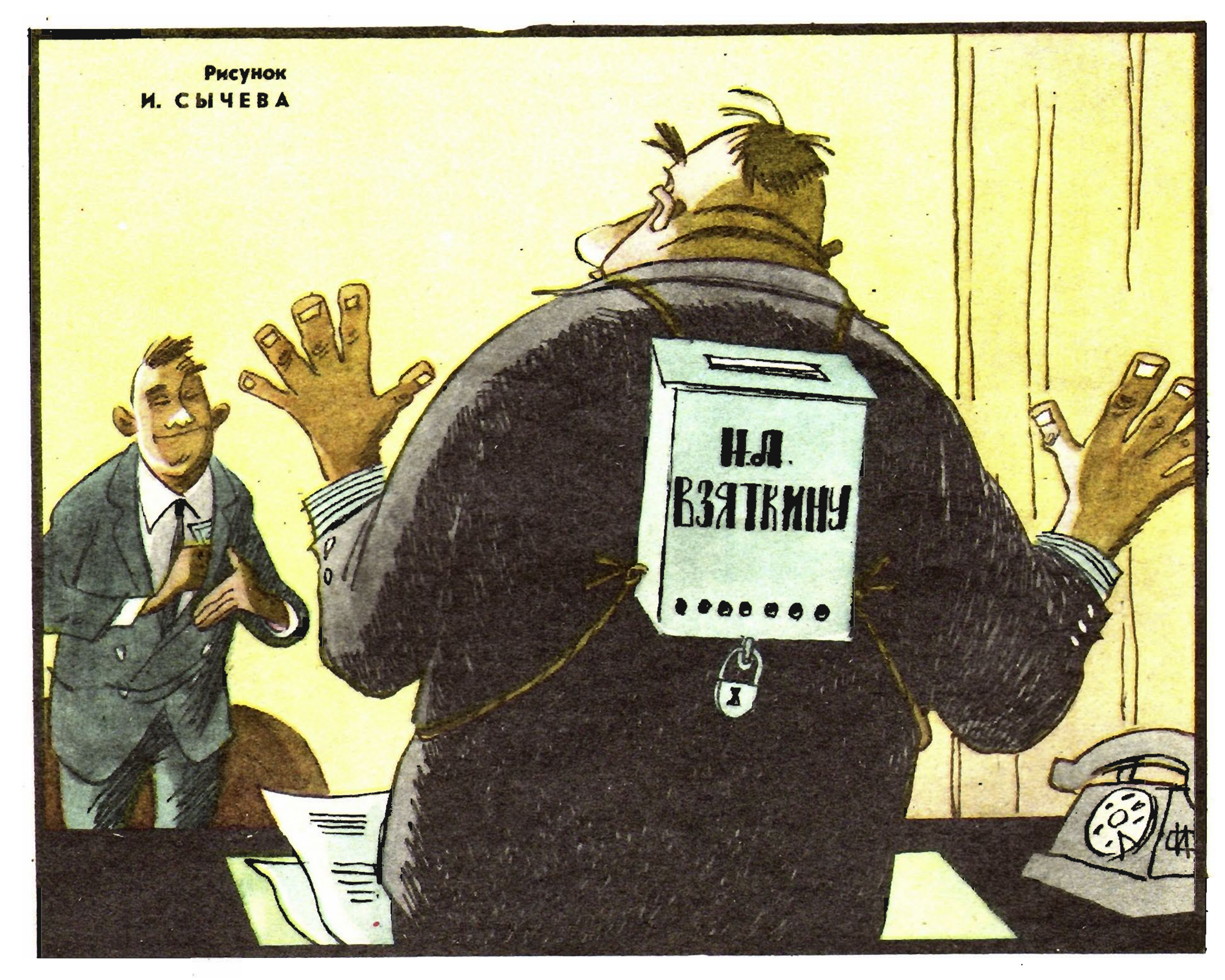

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Я взяток не беру, вы не с той стороны ко мне подходите!

Э. ИОНУТИС

НАУКЕ НЕТ КОНЦА

Молодой инженер с тепленьким дипломом в кармане бросился в самый водоворот жизни, то бишь в заводской отдел кадров.

— Да, инженеры нам очень нужны,— сказал кадровик.— Заполните анкету, принесите две фотокарточки... Зарплата сто рублей, а через год-другой и больше, если с начальством уживетесь...

Инженер поблагодарил и ушел. Вернувшись домой, он засунул диплом подальше, нашел пожелтевший табель за восьмой класс и опять бросился в тот же водоворот.

— Да, слесари нам очень нужны. Анкета, две фотокарточки... Двести рублей, через пару месяцев двести с половиной, если с начальством уживешься.

Работает инженер слесарем и радуется. С начальством ужился, портрет на Доске почета висит. Однажды мастер и говорит ему:

— Рабочий ты хороший, но, понимаешь, восемь классов в наше время не образование. Запишу-ка я тебя в вечернюю школу, в девятый класс... Ничего, ничего, поможем. Кроме этого, ты передовик, пример другим должен показывать.

Товарищи по работе купили ему школьную сумку, завком обеспечил учебниками, дирекция подарила «Библиотечку школьника». И вот учится наш инженер в девятом классе.

Вызвали его к доске. Дают задачу решать. Забыл инженер школьную алгебру, строчит по-своему, формулами высшей математики. Исписал всю доску — не получается, и все тут. Не тот ответ. Еще раз проверяет, ищет, где ошибку допустил. А в это время чуть ли не полкласса подсказывает:

— Растяпа, не там интеграл поставил...

Перевел с литовского Б. БАЛАШЯВИЧУС.

М. МЕЛЬНИК

Какое заблуждение!

— Ваше любимое животное!
— Мышь,—ответил кладовщик.
— Ваше любимое блюдо!
— Мышь,— ответила уверенно кошка.
— Ваш любимый гость! — спросили мышеловку.
— Мышь, конечно, мышь! — ответила она с радостью.
И тогда спросили мышь:
— Какого вы мнения о себе!
— О, я знаю, меня никто не любит! — ответила она.

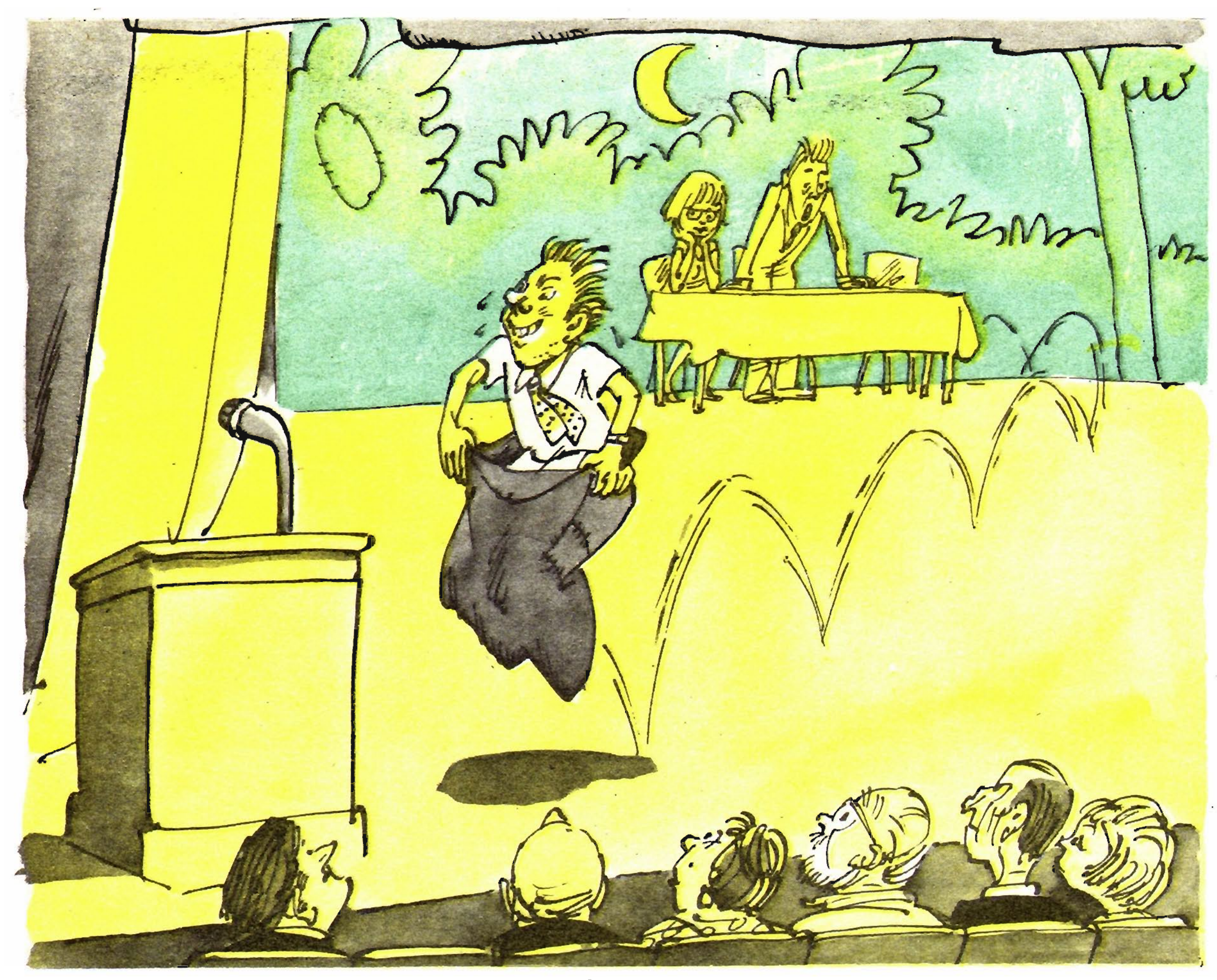
г. Кишинев.

— Она летела вот так, и тут-то я ее снял дуплетом!

Рисунок С. СПАССКОГО

— Сейчас поделится опытом своей работы массовик-затейник дома отдыха!

Рисунок **Ю. УЗБЯКОВА**

КРОКОДИЛ

№ 19 (1957)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Вайсборд, В. Гинуков, А. Грунин, В. Жаринов, Н. Калугин, В. Каневский, С. Кузьмин, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тамаев, А. Чикарьков.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 22/VI 1970 г. А 00104. Подписано к печати 30/VI 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 050 000 экз. (1 завод: 1 — 3 629 450). Изд. № 1322. Заказ № 1804.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МИМОХОДОМ

При виде иных женщин хочется воскликнуть: «Осторожно, украшено!»

Рецепт склочницы: «На одну бочку меда берется ложка дегтя...»

И в шахматах есть свой троянский конь.

Болельщик знал почерк каждого игрока команды: он собирал автографы.

— Эх, вашими бы устами да яд пить!

С. МАРКОВ

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Много воды утекло!

реплика продавщицы разливных вин, подсчитывающей дневную выручку.

П. КОСАРЕВ, г. Междуреченск, Кемеровской области.

Вешать себе хомут на шею

выражение заимствовано у лошадей, перешедших на самообслуживание.

Детишкам на молочишко

чаевые в диетической столовой.

Между делом

синоним выражения «в рабочее время». Например, между делом простоять три часа в магазине за импортными подтяжками, между делом сыграть партию в шахматы и так далее.

А. КАРОЗА, ст. Приютово, Башкирской АССР.

НОВАЯ КНИГА ВЕТЕРАНА

Пожалуй, нет большой нужды специально представлять автора этой книги, изданной Азербайджанским государственным издательством. Юрий Фидлер — имя ветерана сатирического цеха, живущего в Баку, хорошо знакомого многим любителям веселого жанра. Веселого — и критического.

Недаром он назвал один из разделов своего сборника — «Бурьян». Вот уже сорок лет Юрий Фидлер вместе со своими коллегами по сатирической музе успешно пропалывает мирные трудовые нивы от всякого рода бурьяна: мещан и зазнаек, бюрократов и лгунов.

Заметное место в книге занимает раздел «Берлин — Москва и обратно». Бесславный путь арийца-вояки Фридриха Дурера и его фюрера прослежен при помощи разящих, как автоматная очередь, политических памфлетов сатирика.

Новые сатирические стихи Ю. Фидлера свидетельствуют, что перо ветерана не ржавеет.

КАЛАМ МЕЧА СИЛЬНЕЙ

Известный на Востоке поэт и мыслитель Фаррохи некогда сказал:

Калам* меча сильней,
сильней клинка
И во сто раз умней
наверняка.

Таджикский писатель Ходжа Садык, следуя завету мудрого коллеги, давно избрал для исправления человеческих недостатков острое сатирическое перо — оружие подчас куда более сильное, чем карающий меч. Читателям Таджикистана и Узбекистана хорошо известны сатирические комедии Ходжи Садыка «Выборы зятя», «История легкового автомобиля», со многими его рассказами знакомы читатели «Крокодила».

А теперь с выходом в свет в душанбинском издательстве «Ирфон» нового большого сборника Ходжи Садыка «Суть дела» (перевод с таджикского Л. Кандинова) всесоюзный читатель получит возможность познакомиться с творчеством старейшего сатирика Средней Азии гораздо шире.

Остро отточенный калам писателя разит и подхалимов типа Гатифходжоя по кличке «Лаббай» («Чего изволите?»), и бездумных чинуш образца Ака-Иджозата, боящихся мало-мальски самостоятельных решений, и многих других, как говорится, «героев не нашего времени».

* Калам — перо (тадж.)

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Веселая ИСТОРИЯ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛУМБА

— Моя королева, я проложил новый путь в Индию!
— Подумаешь, Америку открыл!

— Цезарь, ты же сам говорил в сенате, что я вне подозрений!

НАПОЛЕОН ПЕРЕД ВАТЕРЛОО

— Выпишите справку о том, что у меня насморк!

— А Сизиф-то в гору пошел!

— Ребята, чего ищете?
— Да вчера где-то тут персидскую княжну обронили!

— Конечно, можно бы окончить войну и раньше, но хотелось, чтобы круглая цифра была.

— Поскольку на сцене мне нет равных, я повелеваю открыть в Риме театр одного актера!

— Точность — вежливость королей!

— Последний день! Последний день! Покупайте лотерейные билеты!